

Бертрис
СМОЛЛ

Дорогая
Жасмин

Наследие Скай О'Малли

Бертрис Смолл
Дорогая Жасмин

«АСТ»

1997

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

Смолл Б.

Дорогая Жасмин / Б. Смолл — «АСТ», 1997 — (Наследие
Скай О'Малли)

ISBN 978-5-17-102104-7

Дважды прекрасная леди Жасмин жертвовала собой, выходя замуж по расчету – ради блага семьи. Но когда король намеревается решить судьбу Жасмин в третий раз, красавица, взбунтовавшись, бежит во Францию. На поиски невесты отправляется Джеймс Лесли, граф Гленкирк, – повинясь не столько королевскому приказу, сколько собственному чувству. На пути Джеймса встают предательство, преступление, злоба соперника. Но самое трудное для графа Гленкирка – заставить Жасмин поверить в подлинность его любви...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-102104-7

© Смолл Б., 1997
© АСТ, 1997

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	33
Глава 5	40
Глава 6	51
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Бертрис Смолл
Дорогая Жасмин
Роман

Bertrice Small

Darling Jasmine

© Bertrice Small, 1997

© Перевод. Т.А. Перцева, 1997

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Пролог

Королевский Молверн

Двенадцатая ночь, 1615 год

Адам де Мариско покинул этот мир. Всего минуту назад он сидел за главным столом в большом зале своего дома, окруженный многочисленными родственниками, которые собрались, чтобы отпраздновать Рождество. Здесь были все – трое приемных сыновей, две приемные дочери со своими семьями, внуками и правнуками, и в огромном помещении звенел веселый смех. Но и шутки и гомон перекрывал громовой хохот восьмидесятичетырехлетнего Адама де Мариско. Особенно порадовала почтенного старца весьма нескромная шутка его невестки, Валентины Бурк.

Вытирая катившиеся по щекам слезы, он взял руку жены и, нежно поцеловав, улыбнулся домочадцам:

– Да пребудет с вами Господь, дорогие мои.

И как только он произнес эти слова, его огромная, седовласая, похожая на львиную голова бессильно упала на грудь. В зале воцарилась мертвая тишина.

Скай знала! Знала уже в ту минуту, когда еще теплые губы касались ее ладони, видела, как свет жизни быстро исчезает, уходит из голубых глаз, и в ее голове настойчиво звенела единственная мысль:

– О, Адам, моя последняя, драгоценная любовь, как мог ты так безжалостно меня оставить?

Но какую прекрасную кончину послал ему Бог! Он не болел, не страдал и успел их благословить! Милосердный Создатель взял его к себе именно в тот миг, когда Адам находился рядом с самыми любимыми людьми...

– Мама... – дрожащим голосом пролепетала ее дочь, Дейдра Блекторн.

Скай подняла полные слез глаза. Сумеет ли она успокоить родных? Однако выхода нет – кто еще сможет вынести это бремя? Так или иначе ей не дадут ни времени, ни возможности скорбеть по ушедшему мужу, пока она не утешит близких и не заверит, что все останется прежним, несмотря на ужас потери. Да, Скай дорога ее семья, но неужели она вечно будет для детей якорем спасения и оплотом надежности?

На какое-то мгновение она испытала чувство, близкое к ненависти, но, взяв себя в руки, спокойно завершила:

– Все будет хорошо, Дейдра.

Дети тотчас бросились к ней с любовью и состраданием. Но в сердце Скай О'Малли навеки поселилась пустота, которую никто и ничто не в силах заполнить. Адам де Мариско оставил земную юдоль, и теперь она в одиночку должна пройти отпущенный ей срок.

Глава 1

Бель-Флёр

Зима, 1615 год

– Ты просто не можешь жить здесь одна, мама, – непрекаемо заявила Виллоу, леди Эдвардс, тем не допускающим возражений тоном, которого как огня боялись ее дети, ибо прекрасно знали – в этом случае родительница во что бы то ни стало настоит на своем.

Скай О’Малли де Мариско молча смотрела в окно. С неба падал легкий снежок, уже успевший засыпать могилу Адама на вершине холма. Белое покрывало даже лучше, чем рвущий сердце черный прямоугольник. Снег обладает способностью все смягчать.

– Тебе пошел семьдесят пятый, мама, – продолжала Виллоу.

– Я отпраздновала семьдесят четвертый день рождения только в прошлом месяце, Виллоу, – напомнила Скай с едва заметным раздражением и даже не потрудилась повернуться. Солнце уже зашло. В это время года темнеет рано, и скоро она не сможет разглядеть место упокоения мужа. Лишь на рассвете она вновь подойдет к окну гостиной и станет всматриваться вдаль.

– Женщине твоих лет не подобает коротать свои дни в одиночестве, – настаивала Виллоу.

– Почему нет? – осведомилась мать.

– Почему нет? Почему? – вскинулась Виллоу, не ожидавшая сопротивления. – Мама, посуди сама, да это просто неприлично!

Погасли последние лучи солнца. Скай обернулась и спокойно воззрилась на старшую дочь.

– Поезжай домой, Виллоу, – устало выдохнула она. – Оставьте меня и не мешайте предаваться скорби по мужу, с которым я прожила сорок два года. С того самого момента, как не стало Адама, вы не даете мне ни секунды покоя. Мне необходимо остаться одной. *Я хочу остаться одна. Тебя ждут дела и дети, Виллоу.*

– Но... но... – снова начала леди Эдвардс и осеклась, ошеломленная суровым взглядом матери.

– Я небеспомощна, Виллоу. И еще не выжила из ума! К тому же передай своим братьям и сестрам, что я не собираюсь закрывать дом, увольнять слуг и переезжать к кому бы то ни было из вас! Я останусь в Королевском Молверне до последнего часа. Надеюсь, тебе понятно?

Дейзи Келли, беззаветно преданная горничная Скай, спрятала улыбку и уселась у огня, старательно подшивая подол платья хозяйки. Странно, неужели леди Виллоу так плохо знает мать, что считает, будто та согласится жить вместе с ней или еще с кем-нибудь из детей? Конечно, и хозяйка, и горничная уже отнюдь не молоды, с сожалением вздохнула Дейзи, щурясь, чтобы получше разглядеть, куда втыкает иглу, но вполне обойдутся без посторонней помощи.

– Но, мама, – не сдавалась Виллоу, – Королевский Молверн больше тебе не принадлежит. Он отходит к малолетнему герцогу Ланди, сыну Жасмин.

– И ты действительно считаешь, что моя внучка или граф Гленкирк, опекун Чарлза Фредерика, выгонят меня отсюда, Виллоу? – отрезала Скай, окончательно потеряв терпение. – По-моему, это не я, а ты лишилась разума на старости лет!

– Джемми Лесли этой осенью вернулся ко двору, – сообщила Виллоу, – и ужасно зол, потому что так и не смог найти Жасмин во Франции. Весной исполнится два года с тех пор, как она сбежала от него, взяв с собой детей.

– Не пойму, почему у него не хватило мозгов ее найти, – ехидно хмыкнула Скай. – В конце концов, Адам ему подсказал, где искать... Правда, я послала гонца, с тем чтобы предупредить мою внучку о неуместной откровенности деда.

– Ох, мама, как ты могла! – чуть не заплакала Виллоу. – Хочешь нажать врага в лице короля? Яков Стюарт не пощадит тебя, если узнает о твоём дерзком своевольстве. Тебе недостаточно было всю жизнь идти наперекор нашей доброй королеве Бесс?¹ Неужели годы не научили тебя благоразумию?

– Моей дорогой девочке пришлось дважды выйти замуж ради блага семьи, – спокойно объяснила Скай. – На этот раз, надеюсь, она сделает выбор по своей воле. Никто, даже король, не потащит Жасмин к алтарю силой. И Якову Стюарту, и его глупенькой романтической жене не стоило даже и пытаться.

– Но Джемми Лесли любит Жасмин, мама, – тихо напомнила Виллоу.

– Знаю, – кивнула Скай, – но отвечает ли Жасмин ему взаимностью? Весной я сама отправлюсь во Францию и сообщу внучке о смерти моего дорогого Адама, а потом посмотрим, что она решит. И хотя я тоскую по ней, не стану навязывать свою волю.

– Ты едешь во Францию? – ужаснулась Виллоу.

– Если ты намекаешь на то, что я и шагу за порог ступить не могу, придется как следует отделать тебя, Виллоу!

Величественная леди Эдвардс поежилась и поспешно солгала:

– Я вовсе так не считаю!

– Когда прекратится снегопад, ты уедешь, – приказала Скай, – и возьмешь с собой всех остальных. Мне нужно привыкнуть к мысли о том, что мой дорогой Адам мертв. Я должна остаться одна. Конечно, тебе этого не понять, Виллоу, так что придется смириться.

Виллоу молча кивнула, признавая поражение, и, присев перед матерью, направилась в зал, где ожидали братья и сестра.

– Ну? – не выдержал Робин Саутвуд, граф Линмут, весело сверкая темно-зелеными глазами. – Согласилась ли наша старая, немощная матушка жить под твоей опекой?

– Да помолчи же, Робин! – взорвалась Виллоу. – Терпеть не могу твоей самодовольной физиономии! Мама, конечно, стоит на своем, как всегда, когда взывают к ее рассудку! Я ничего не добилась, как ты и ожидал, но обязана была попробовать! Кстати, она просит нас уехать, как только снегопад пройдет.

– Наверное, не надо оставлять ее в такую минуту! – встревожилась Эйнджел, графиня Линмут.

– Она и слышать ничего не желает, – проямлила Виллоу.

– И я ее прекрасно понимаю, – заметила Дейдра, леди Блекторн, средняя дочь Скай. – Мама никогда не позволит себе выказать слабость даже перед своими детьми. Вы когда-нибудь видели у нее хоть слезинку? Мы все сделаем, как она пожелает, и позволим ей оплакивать Адама.

Остальные, даже Виллоу, согласно кивнули.

---

¹ Елизавета I. – *Здесь и далее примеч. пер.*

– Метель совсем слабая, – объявил Патрик, лорд Бурк, – и к утру стихнет. Пожалуй, надо приказать слугам укладывать вещи.

– Мама отправится весной во Францию, чтобы самой обо всем рассказать Жасмин, – промолвила Виллоу.

– Кто-нибудь послал гонца моим родителям? – осведомилась Сибилла, графиня Кемп, внучка Адама.

– Я распорядился об этом вчера утром, – успокоил племянницу Робин Саутвуд. – Вряд ли в такую погоду он успел добраться до Дун-Брока, но через несколько дней Велвет узнает о кончине отца.

– Бедная мама, – тихо вздохнула Сибилла, и муж нежно обнял ее за плечи.

– Да, Велвет будет вне себя от горя, – грустно подтвердил Мурроу О’Флаерти. – Она боготворила Адама. Черт возьми, как и все мы, разве не так? Он тот единственный, кто заменил нам отца. Ни один из мужей нашей матери не прожил на свете достаточно долго, чтобы мы его помнили.

– Ты прав, и лучшего родителя нельзя было желать! Мы многому научились от него, – подтвердил лорд Бурк.

– Переживет ли мама эту потерю? – покачала головой Дейдра.

– Ей будет ужасно тяжело, – ответил Робин, – но Скай О’Малли не так легко сломить! Она похоронила не одного мужа и сумела избыть скорбь.

– Но тогда она была моложе, – вмешалась Виллоу.

– Верно, – согласился Робин, – но зато теперь мама сильнее, чем когда бы то ни было. Мы исполним ее желание и увидим, что получится.

– Интересно, выйдет ли она снова замуж? – мечтательно протянула Валентина Бурк.

– Ни за что! – уверенно произнес Робин. – Этого никогда не случится.

Как и предсказывал Патрик, метель улеглась на следующее утро, и родственники Скай О’Малли разъехались по домам, предварительно распрощавшись с главой семьи.

– Ты пошлешь за мной, если я понадобится? – спросил Конн О’Малли Сен-Майкл, лорд Блисс, у старшей сестры.

– Да, – сказала Скай.

Конн молча опустил голову. Его сестра – женщина гордая, но он и его жена Эйдан живут довольно близко и в любой момент придут на помощь.

– «Роза Кардиффа» всегда наготове, если ты захочешь отплыть во Францию, мама, – тихо, так, что слышала только Скай, прошептал Мурроу О’Флаерти.

Скай кивнула и, поцеловав своего второго сына и его жену, пожелала благополучно добраться до дома.

– Просто не знаю, что сказать тебе, мама, – промолвила Виллоу, в последний раз подходя к матери.

– Ничего, кроме обычных слов прощания, – ответила Скай, целуя дочь в щеку, и повернулась к Джеймсу, мужу Виллоу. – Удачной поездки, милорд. Не завидую тому, что вам придется вынести в пути.

– К счастью, я засыпаю, как только сажусь в карету, – подмигнул зять, – а во сне глух, как пень.

– Слава Богу! – воскликнула Скай. – Сибилла, ты снова в положении?

– Похоже, мадам, – хмыкнула Сибилла. – Это уже пятый и появится в начале июня. Возможно, хоть новый внук порадует маму.

– Берегите друг друга, – наказала Скай Сибилле и ее мужу, Тому Ашберну, графу Кемп. Дейдра Блекторн чуть не плакала, но старалась держать себя в руках.

– Ну же, Дейдра, – упрекнула Скай самую хрупкую из дочерей, – ты едешь домой, и к тому же живешь достаточно близко, чтобы в любое время навестить меня. Я прошу лишь немного покоя.

Дейдра сглотнула слезы и молча наклонила голову. Джон, ее муж, помог ей сесть в карету.

– Не хочется оставлять тебя в таком состоянии, – признался Патрик Бурк.

– Мне нужно побыть одной.

Она обняла сына:

– Ты совсем как отец! Но не тревожься, я сумею о себе позаботиться! А сейчас оставь меня оплакивать Адама.

– Садись в карету, Патрик, – решительно окликнула его жена Валентина и, поцеловав свекровь, заговорщически улыбнулась.

Последними уезжали граф Линмут с семьей. Эйнджел и дети уже простились со Скай. Теперь настала очередь Робина Саутвуда.

– Надеюсь, ты посоветуешься со мной, мама, прежде чем решишься на что-нибудь необдуманное? – сухо осведомился он.

– Скорее всего нет, Робин, – честно призналась она.

– Ты уже что-то замышляешь! – упрекнул он.

Скай лукаво усмехнулась:

– Откуда ты знаешь? Я так давно не замышляла ничего серьезного, Робин!

– Зато я с детства прекрасно помню это выражение лица, мадам, – засмеялся сын, но тут же став серьезным, добавил: – Я рад, что решил провести здесь Двенадцатую ночь, вместо того чтобы, как обычно, дать бал в Лондоне. Эти проклятые увеселения чертовски дорого обходятся! Мне просто повезло оказаться нынче в Королевском Молверне.

– Ах, как я любила балы в доме твоего отца, – вздохнула Скай, захваченная ностальгическими воспоминаниями, – особенно тот, что он давал в Двенадцатую ночь! Так и вижу, как барка королевы медленно поднимается по реке к Линмут-Хаус. Двенадцатая ночь всегда была для меня особенным праздником. В одну из таких ночей я зачала тебя, Робин. А помнишь ту Двенадцатую ночь несколько лет назад, когда Жасмин едва не стала причиной ужасного скандала, потому, что Сибилла застала ее в постели с лордом Лесли! А теперь эта ночь навсегда будет связана для меня с кончиной Адама. – Пожилая женщина вздрогнула и плотнее закуталась в плащ. – Отныне этот праздник навеки станет для меня днем траура.

– Признаться, я все-таки уезжаю с тяжелым сердцем, – вздохнул Робин, крепко обнимая мать.

– В эту минуту я чувствую себя такой слабой и хрупкой, – созналась Скай, – но это пройдет. Так было, когда умерли твой отец и Найл.

«Но тогда твоей несокрушимой опорой был Адам», – подумал Робин, а вслух произнес:

– Сообщи, когда соберешься покинуть Англию, и прикажи моей строптивой племяннице вернуться домой.

Он нежно поцеловал мать и еще раз стиснул изо всех сил.

– Счастливого пути, Робин, – пожелала Скай сыну и долго смотрела вслед его экипажу.

– Вы коварная старая лисица! – заявила Дейзи, помогая хозяйке взойти на крыльцо. – У вас и в мыслях не было говорить ему, когда именно вы задумали улизнуть во Францию!

– Конечно, нет, – хмыкнула Скай. – Если я скажу Робину, то он поделится с графом Гленкирком, а тот немедленно последует за мной и отыщет Жасмин! Нет, уж лучше я буду нема как рыба!

– Он все равно известит графа, когда через несколько дней окажется в Лондоне, – заметила Дейзи.

– И именно поэтому я уже буду на пути во Францию, – торжествующе пояснила Скай. – Пусть попробуют вернуть мою дорогую девочку, но от меня они помощи не получат! Она приедет только тогда, когда сама захочет этого!

– Ах вы, злобная бестия, – фыркнула Дейзи, но тут же нахмурилась. – А как вы будете оплакивать его светлость, если собираетесь оставить Королевский Молверн?

– Для этого мне вовсе не обязательно сидеть здесь! Адам всегда со мной, куда бы я ни отправилась.

– Я немедленно начинаю собираться, миледи, – оживилась Дейзи, – и стану молиться, чтобы в море не штормило во время переезда через Пролив².

– Тебе ни к чему ехать со мной, Дейзи. Я могу взять кого-нибудь помоложе. По-моему, Марта прекрасно подойдет, верно?

– Еще чего! – негодуяще подбоченилась Дейзи. – На этот раз вы и шагу без меня не ступите, миледи! Марта, подумать только! Да такой неряхи свет не видывал! Марта! Тьфу!

И с этими словами Дейзи отправилась собирать вещи. Скай еще не успела снять плащ. Надвинув пониже капюшон, она выскользнула из дома и пробралась через неглубокий снег к могиле мужа, над которой стоял маленький деревянный крест. Позже, конечно, его сменит величественный каменный памятник. Скай остановилась и опустила глаза.

– Ну, мой старичок, отныне мы никогда не забудем Двенадцатую ночь! Как ты смел покинуть меня, Адам? Впрочем, я знаю, ты не виноват, – тяжело вздохнула она. – Но сейчас все разъехались. Не представляешь, как я разозлилась на Виллоу! Да-да, понимаю, она желает мне добра, но я терпеть не могу, когда Виллоу распоряжается моей жизнью и решает за меня, что делать. Три дочери! Одна постоянно читает нотации и донимает окружающих, как назойливая муха, другая – настоящая маленькая мышка, а третья месяцами торчит в Шотландии.

Легкий ветерок взъерошил меховую отделку капюшона, и Скай многозначительно улыбнулась.

– Нет, и не вздумай обхаживать меня, Адам де Мариско! Ни одна из девчонок ни капельки на меня не похожа. Кроме Жасмин, конечно. Поэтому я и решила ненадолго отправиться во Францию и рассказать, что ты ушел от нас. Девочка наслаждается обретенной свободой, но ей уже пора вернуться домой и завести семью. Жасмин не удастся укротить лорда Лесли, пока она не уладит дело миром. Ты оказался прав, родной. Мне надо было настоять, чтобы она давным-давно вернулась, вместо того чтобы поощрять ее сумасбродные выходки и глупое упрямство. Ах, Адам, я кажется слышу твой смех. Нечасто я признавала, что ты мудрее меня, но так оно и было, дорогой.

Два дня спустя, когда первые робкие лучи еще не успели озарить небосвод, Тистлвуд, кучер де Мариско, взобрался на козлы вместительной хозяйской кареты, где уже ожидал помощник.

– Ну, парень, – объявил кучер, любуясь клубами пара, вырывающимися изо рта, – вперед, во Францию! Правда, денек, кажется, выдался ясный, но, Иисусе, какой мороз! Ты готов? – осведомился он, устраиваясь поудобнее, и взмахнул кнутом. Экипаж дернулся, качнулся с боку на бок и медленно покатился по подъездной аллее к тракту, ведущему на побережье.

А в это время граф Линмут, добравшись до Лондона, разыскал своего друга графа Гленкирка во дворце Уайтхолл.

– Надеюсь, ты в подходящем настроении, чтобы преподать плутовке заслуженный урок? – спросил он.

---

² Ла-Манш.

– Ты знаешь, где она? – холодно поинтересовался Джеймс Лесли.

– Нет, но если ты поторопишься, то без труда обнаружишь, где она скрывается, – пояснил Робин Саутвуд и рассказал о намерении Скай ехать во Францию.

– Весной? – пожал плечами Джеймс Лесли. – Значит, время еще есть.

– Моей матери не занимать ума и хитрости. Бьюсь об заклад, она уже в дороге и велит кучеру погонять лошадей, поскольку прекрасно знает, что по пути домой я обязательно заверну в Лондон и ничего от тебя не утаю. Я отправил двух гонцов к своему брату Мурроу, который, как мне стало известно, держит курс на Харуич. Оттуда мама напрямик поедет в Кале. Ты должен попасть в Дувр и перехватить ее, а потом последовать за ней, чтобы узнать, где скрывается моя племянница.

Зеленые глаза Джеймса задумчиво прищурились. Благодаря Робину Саутвуду он наконец отыщет своевольную упрямыцу, вдовствующую маркизу Уэстли, Жасмин де Мариско Линдли. Женщину, которую Джеймс любил когда-то, а теперь возненавидел – ведь она сделала его посмешищем всего двора, дерзко презрев приказ короля стать женой графа Гленкирка. В довершение она увезла с собой внука короля, внебрачное дитя скончавшегося принца Генри, хотя Яков Стюарт назначил графа Гленкирка законным опекуном мальчика. Но сейчас, впервые за два года, у Джемми появилась возможность рассчитаться с Жасмин, и он интуитивно чувствовал, что найдет ее.

Джемми знал, что она во Франции, но все попытки встретиться с ней оказались безуспешными. Три раза он пересекал Пролив, однако французские родственники Жасмин заявляли, будто понятия не имеют, где она, и при этом равнодушно пожимали плечами, что особенно раздражало графа. Все это время Жасмин играла с ним в кошки-мышки. Каким-то образом она всегда узнавала заранее о его появлении и исчезала вместе с детьми. Но на сей раз все будет по-другому. Никто не знает о его приезде, и, кроме того, он последует за старой графиней Ланди прямо до двери дома Жасмин. И тогда...

Граф хищно улыбнулся.

– Кажется, вы довольны моими новостями, милорд? – предположил Робин Саутвуд.

– Совершенно верно.

– И еще одно, милорд, – спокойно, но серьезно предупредил Робин. – Чарлз Фредерик Стюарт стал герцогом Ланди, но Королевский Молверн испокон веков был домом моей матери. Можете как угодно мстить моей племяннице, но заклинаю вас обращаться с леди де Мариско с должным почтением и уважением, и не вздумайте просить ее покинуть Королевский Молверн! Если вы чем-нибудь оскорбите мать, придется иметь дело не только со мной, милорд! Помните, что Брок-Кэрн – ее зять, к тому же родственник короля и отчим Жасмин. Я уж не говорю об Альсестере, Кемпе и лорде Бурке. Они придут в ужасный гнев, прослышав о том, что кто-то расстроил маму.

Граф Гленкирк ответил другу ледяной улыбкой.

– Я прекрасно осведомлен о семейных связях мадам Скай, Робин, и никогда не ссорился с твоей матерью, хотя подозревал, что именно она стоит за таинственными исчезновениями Жасмин. Кроме того, позволь заметить, что Королевский Молверн принадлежит лично ей. Это не майоратное имение.

– Конечно! – вспомнил Робин. – Мама с Адамом купили его у самой королевы. Бесс всю жизнь не хватало денег, поэтому она и продала Молверн, когда сильно поиздержалась.

– А посему можешь не волноваться, что твоя мать захочет переехать к тебе, – пошутил Гленкирк.

– Переехать ко мне? – расхохотался граф Линмут. – Моя сестра намекнула ей, что вдове в таком возрасте не следует жить одной, и настаивала на переезде мамы к ней. И знаешь, что из этого вышло, Джемми? Матушка велела всем немедленно уезжать! Она с колыбели

отличается строптивостью и не изменится до последнего вздоха. Между нами говоря, я не уверен, что Господь скоро призовет ее к себе.

– Похоже на то, – смеясь кивнул Гленкирк.

Робин Саутвуд распрощался с Джеймсом Лесли и продолжал путь в Девон, где было его родовое имение. Вскоре слуга, посланный к Мурроу, догнал его.

– Вы были правы, милорд. «Роза Кардиффа» пришвартована в Харуиче и с вечерним отливом отплывает во Францию. Вашу матушку уже ожидают на борту. Два дня назад я встретил в пути ее карету, но, думаю, они меня не узнали.

– Как по-твоему, найдет Джеймс Лесли Жасмин на этот раз? – спросила графиня Линмут мужа.

– Если он не будет ловить ворон, успеет добраться до Дувра и окажется в Кале раньше мамы, – решил граф. – Даже при попутном ветре переезд из Харуича займет целую ночь. Путешествие из Дувра гораздо короче, любовь моя.

Он погладил прелестную ручку жены.

– В таком случае, почему мадам Скай не выбрала эту дорогу? – с любопытством осведомилась графиня.

– Мама на пушечный выстрел не приближается к Лондону из страха, что ее узнают, хотя теперь при дворе осталось всего несколько человек, кто помнит ее. Однако она не любит рисковать и скорее готова всю ночь провести в море, чем встретить кого-нибудь из знакомых. Но сейчас ее ждет поражение.

– Надеюсь, Джемми не выдаст себя, пока леди Скай не встретится с Жасмин? – заволновалась Эйнджел.

– Конечно, нет. Признаться, я и сам не знаю, на что он отважится. Но боюсь, моя племянница нажила врага в человеке, который должен стать ее мужем. Ей придется немало потрудиться, чтобы вновь обрести его расположение.

– А по-моему, – не согласилась Эйнджел, – именно Джеймс Лесли должен забыть о гордости и постараться завоевать сердце Жасмин, иначе их совместная жизнь превратится в кошмар. Они оба слишком сильные люди.

– Ты мудрая женщина, сердце мое, – улыбнулся Робин. – И иногда очень напоминаешь мою мать.

– О Робин, какой чудесный комплимент! – обрадовалась Эйнджел, весело сверкая глазами.

– В устах любой другой дамы это прозвучало бы издевкой, но я верю, что ты, любимая, совершенно искренна. Ты действительно довольна, что похожа на Скай О’Малли?

Эйнджел кивнула.

– Она великая женщина, Робин.

– Да, – согласился граф Линмут. – Именно великая, но Господи Боже, от ее выходок и проделок голова идет кругом! Помяни мое слово, Джеймсу Лесли еще достанется от этой парочки. Ему не позавидуешь!

Глава 2

Покидая Лондон, Джеймс Лесли взял с собой слугу, Фергюса Мора. Он не тратил времени на сборы и выехал на следующий день. Как и предлагал граф Линмут, они сели на корабль в Дувре и к тому времени, как «Роза Кардиффа» бросила якорь в Кале, уже ожидали на пристани. Стоя в тени, мужчины наблюдали, как с судна спустили сходни и началась разгрузка. Дорожная карета Скай, надежно привязанная на палубе, прекрасно вынесла путешествие. Теперь ее подкатили к дверям огромного склада, откуда тотчас же вывели лошадей и стали запрягать. Однако граф Гленкирк, не обращая внимания на суматоху, не спускал глаз с «Розы Кардиффа». Наконец по сходням величественно сошла мадам Скай в сопровождении самого капитана и своих слуг.

Как только она удобно расположилась в экипаже и кучера сели на козлы, граф тихо велел своему спутнику:

– Пора, Фергюс. Нельзя отставать от почтенной леди.

– Отсюда в город ведет одна дорога, милорд, – ответил Фергюс. – Лучше подождать мадам на выезде. Вы же не хотите, чтобы нас заметили, а здесь и без того слишком много народа.

Джеймс Лесли кивнул, и мужчины, не подгоняя коней, неспешно покинули пристань. Охота началась. Из Кале они свернули на амьенский тракт, а потом отправились в Париж. Джеймс Лесли был поражен выносливостью этой отнюдь немолодой женщины. Скай останавливалась в гостиницах лишь на ночь, не задержалась даже в столице, где он едва не потерял ее из виду, поскольку в этот раз она вздумала навестить родственников покойного мужа. Решив, что леди Скай, как обычно, отправится в путь не раньше утра, граф нашел поблизости постоялый двор, где можно было получить горячий обед и постель.

– Вы оказались правы, – признал Фергюс на следующее утро, когда они возобновили погоню.

– Ума ей не занимать, – вздохнул граф. – Мадам не терпит увидеть Жасмин, но она так или иначе нуждается в отдыхе, да и лошади сильно устают. Правда, не пойму, к чему такая спешка, но она не теряет даром ни минуты.

Из Парижа в Фонтенбло, потом в Монтаржи, Орлеан и Блуа...

– Она направляется в Аршамбо, – предположил граф.

– Мы уже там бывали, однако дамы и след простыл, – заметил слуга. – А вдруг старая леди заподозрила слежку?

– Но мы старались держаться как можно незаметнее, – возразил Джеймс Лесли.

Они проехали через прилегающую к замку деревню. Наконец в нескольких милях от Аршамбо экипаж свернул на узкую проселочную дорогу. Джеймс Лесли придержал лошадь. Вот уже несколько дней моросило, и граф, слегка поевшись, сделал знак Фергюсу двигаться шагом.

– Тропа ведет к какому-то жилищу, – тихо пояснил он. – Подождем и дадим мадам Скай время добраться до места.

Он плотнее закутался в плащ. Чертовски холодно! Сырость пробирает до самых костей.

– В деревне я видел постоялый двор, правда, довольно убогий, – с надеждой произнес Фергюс.

Граф покачал головой.

– Нет, не хочу, чтобы сплетни о проезжих иностранцах дошли до Жасмин раньше, чем я разузнаю, что находится в конце этого таинственного пути. Подождем здесь.

Фергюс уныло вздохнул.

Они терпеливо простояли полчаса, пока граф не решил, что все предосторожности соблюдены. Несколько минут спустя за поворотом открылось небольшое озеро. В самой середине, окруженный с трех сторон водой, возвышался небольшой изящный замок, выстроенный из грубо обтесанных плит красновато-серого сланца, с четырьмя гранеными башенками по углам, увенчанными темными причудливыми крышами, напоминавшими ведьмины колпаки³. Пробраться в замок можно было только через высокие, хорошо укрепленные ворота с подвесным мостиком, по обе стороны которых стояли круглые башни. Граф замер, очарованный красотой пейзажа. Сзади, с четвертой стороны, виднелся сад; за низкой каменной оградой начинался лес. Даже сейчас, зимой, вид был необыкновенный.

– Милорд? – тихо окликнул Фергюс Мор. Джеймс Лесли знаком велел ему пробираться вперед. Стук копыт эхом отдавался от подвесного мостика. Вскоре они оказались во дворе, где уже разгружали дорожную карету. Слуги с любопытством поглядывали на незнакомцев, однако два конюха тотчас подбежали, чтобы взять под уздцы лошадей, и граф решительно вошел в замок.

– Иисусе! – охнул Тистлвуд, выходя из конюшни, где он с помощью грума распрягал лошадей, – да это никак граф Гленкирк!

– Мне дважды казалось, что нас преследуют, – признался его спутник и тут же пошатнулся от сильного удара.

– Ты, дубина стоеросовая! Почему ничего не сказал?!

– Сомневался, – захныкал тот, потирая голову. – Я заметил только после Парижа, а кто его знает, какие обычаи в этой чертовой стране!

Тистлвуд устало покачал головой. Что ж, так или иначе, не его это дело. Старая хозяйка прекрасно уладит все неприятности! Годы не сломили ее, как остальных, она по-прежнему бодра и не жалуется на хвори, просто чудо какое-то!

– Пойдем лучше на кухню, пусть дадут поесть, да, может, и нальют чего покрепче, – велел он помощнику.

Первым Джеймса Лесли увидел Адали, стоявший в холле и распорядившийся слугами, сновавшими со двора в дом с сундуками и саквояжами. Безбородое лицо изумленно сморщилось, но тут же разгладилось и стало абсолютно бесстрастным, прежде чем граф успел что-то заметить. Джеймс Лесли растянул губы в волчьем оскале.

– Передай хозяйке, что я здесь, Адали, – приказал он. – погоди! Я передумал! Отведи меня к ней! Стоит мне замешкаться, как она снова исчезнет из-под самого моего носа.

Адали привел графа и Фергюса в маленький зал, где было тепло и уютно. Мадам Скай расположилась у одного из каминов в кресле с высокой спинкой, вытянув ноги к огню. В руке она держала серебряный кубок. Сбоку от нее стояли высокие сапожки. А подле бабушки на табурете сидела Жасмин. Мать четверых детей, в свои двадцать пять лет она выглядела юной девушкой. Он никогда раньше не видел, чтобы она так причесывала темные волосы, – длинная толстая коса, перевитая красной лентой, спускалась до самого пола.

Взгляд графа на мгновение смягчился, но тут же вновь стал беспощадно жестким.

– Граф Гленкирк, принцесса! – объявил Адали.

Вдовствующая маркиза Уэстли испуганно вскочила.

– Вы! – со злостью прошипела она.

– Как видите, мадам, – произнес Джеймс, очевидно, не осознавая всей силы ее ярости. – Вы заставили меня немало погоняться за вами, но я сумел выследить добычу.

– Убирайтесь из моего дома! – закричала Жасмин. – У вас нет никакой власти надо мной! Здесь, слава Богу, Франция, а не Англия, и я не ваша подданная!

---

³ Такие колпаки надевали осужденным за колдовство.

– Прошу прощения, мадам, но король Англии еще два года назад приказал нам обвенчаться, и в настоящее время ведет переговоры с Людовиком насчет брака между принцем Карлом и сестрой короля.

– Король Яков желает получить в жены наследнику испанскую инфанту, донью Марию! – воскликнула Жасмин. – Даже до здешней глуши доходят новости.

– Хотите поспорить со мной относительно планов повелителя? – осведомился Гленкирк. – Вы жена, избранная для меня королем Яковом, и я не пойду против его воли, мадам. Помните, я опекун ваших детей.

– Точнее, Чарлза Фредерика Стюарта, – возразила Жасмин, – хотя я не понимаю, почему король посчитал, будто мой сын нуждается в опекуне.

– Ошибаетесь, мадам, отныне я опекун всех ваших детей, – ошеломил ее граф. – Ваши непокорство и капризы убедили короля, что вы не способны воспитывать своих отпрысков надлежащим образом. Теперь от меня зависит будущее не только Чарлза Фредерика Стюарта, но и юного Уэстли, леди Индии и леди Фортейн Линдли.

– Подлый ублюдок! – окончательно рассвирепела Жасмин.

– Это клевета, мадам, – невозмутимо ответил Джеймс. – Мои родители были обручены несколько месяцев и обвенчались по крайней мере за десять минут до моего рождения.

Жасмин, вскочив, запальчиво крикнула бабушке:

– Мадам, как вы могли привезти его сюда? Неужели именно поэтому и приехали? Я никогда не прощу вас!

– Я никого не привозила, милая моя девочка, – спокойно отозвалась Скай.

– Я следил за вашей бабушкой с той минуты, как она высадилась в Кале, – сообщил граф.

– Робин? – обронила Скай. Джеймс кивнул.

– Он усомнился, что вы станете ждать до весны. Поэтому Робин и послал двух слуг следить за каретой капитана О’Флаерти в полной уверенности, что он поедет не домой, а напрямик в Харуич.

Скай только улыбнулась.

– Роберт Саутвуд, видимо, пошел в мать. Правда, и отцовской сметки у него не отнять.

– Если не вы привезли его в Бель-Флёр, бабушка, зачем же тогда это далекое путешествие да еще среди зимы? – удивилась Жасмин.

– Твой дедушка скончался, – без обиняков заявила Скай.

Жасмин охнула; слезы градом хлынули из глаз.

– О, дедушка, – тоскливо прошептала она, но тут же вновь набросилась на графа Гленкирка: – Это все вы! Не гонялись бы за мной, как охотничий пес, и я смогла бы провести с ним последнее время! Теперь из-за вас я никогда больше его не увижу! Ненавижу! Ненавижу вас, Джеймс Лесли!

– Мадам, – холодно произнес граф, – вините во всем себя! Вам не стоило пренебрегать приказами короля и скрываться от меня! Да, мы должны были пожениться. Я любил вас и готов был ждать сколько угодно, пока вы смиритесь с кончиной принца Генри. Я не тащил вас силой к алтарю, Жасмин. Однако вы предпочли бросить королю вызов и, взяв детей, скрыться во Франции. Я приезжал в эту страну трижды, но не мог отыскать вас – все родственники де Мариско дружно молчали. Но теперь игра закончена. Вы вернетесь в Англию, где выйдете замуж, и на свадьбу соберется все высшее общество, те самые люди, которые так нещадно издевались надо мной два года назад, первого апреля.

– Ни за что! – вскрикнула Жасмин.

– Все будет так, как я сказал, мадам.

– Я принцесса из рода Великих Моголов... – начала Жасмин.

– Которая не может вернуться домой, в Индию, – оборвал ее Джеймс. – Вот уже десять лет как вы живете в Европе, Жасмин. Теперь вы английская леди, и пора забыть о Моголах. Вашей бабушке не помешает отдохнуть, а потом мы вернемся в Англию. И не вздумайте снова исчезнуть, моя дорогая Жасмин. Гэдби давно ждет своего молодого хозяина, и не собираваетесь же вы лишить сына Рована Линдли законного наследства?! А ваши дочери? Бьюсь об заклад, вы позволяли им резвиться на свободе и играть с крестьянскими ребятами. Уверен, что вы даже не позаботились нанять гувернантку! Они английские аристократы, и неплохо бы вам это запомнить!

– Я убью вас, прежде чем позволю распоряжаться своими детьми, – прорычала Жасмин.

– Немедленно замолчите оба! – не повышая голоса, приказала Скай. – Адали, належь лорду Лесли вина, отведи его слугу на кухню и вели покормить. Как тебя зовут, шотландец?

– Фергюс Мор, ваша светлость.

– Иди с Адали, Фергюс. Твоему хозяину ничто не грозит, – приказала Скай и обратилась к Жасмин: – Я приехала не только затем, чтобы сообщить о смерти Адама, но и сказать, что пора прекратить войну с Гленкирком. Давно пора. Конечно, со стороны короля просто возмутительно настаивать на этом браке, но я начинаю думать, что это неплохая идея. Ты не можешь вечно оставаться в Бель-Флёр, совсем одна, если не считать детей и слуг. Такая жизнь не подходит ни тебе, ни моим правнукам. Джемми Лесли прав, Жасмин. Генри Линдли унаследовал титул маркиза. Ему уже почти семь, и его французский куда лучше английского. Он должен вернуться домой, в Гэдби, учиться управлять имением отца, стать истинным англичанином. В следующем месяце Индии исполнится восемь, а Фортейн уже пять. Они умеют читать и писать? А внук короля, маленький Чарлз? Необходимо постоянно напоминать о нем Якову Стюарту! Как Чарлз Фредерик заслужит милость и любовь деда, находясь в вечном изгнании? Подумай о детях, Жасмин!

Молодая женщина озабоченно прикусила губку. Бабушка, несомненно, права, но признать это нелегко. Глядя на Джеймса из-под мокрых ресниц, она была вынуждена отметить, что он по-прежнему очень красив, хотя именно в этот момент казался неумолимо суровым. Таким она его раньше не видела.

– Неужели я никогда не смогу самостоятельно выбрать себе мужа? – пожаловалась Жасмин. – Отец выдал меня за Ямал-хана, вы с дедушкой обручили с Рованом Линдли. Когда же я обрету свободу?

– А разве ты была несчастлива с первым или вторым мужем, Жасмин? – удивилась Скай.

– Нет, но ведь я выходила замуж не по своей воле.

– Мой родитель дал мне в мужья Дома О'Флаерти, пусть вечно томится в аду его душа. Отец Виллоу спас меня от рабства в алжирском гареме и женился на мне. Мои дяди сосватили мне Найла Бурка. Это был брак по доверенности, о которой я даже не сразу узнала. Фаброн де Бомон обвенчался со мной по приказу старой королевы. Я же всегда любила лишь Джеффри Саутвуда и твоего деда.

– И с ними ты была по-настоящему счастлива! – заметила внучка. – Вряд ли я успею шесть раз выйти замуж, бабушка, но сейчас хочу сама найти себе мужа! И никому не позволю меня запугивать и принуждать.

– Мадам, – невозмутимо вмешался граф Гленкирк, – вы обязаны повиноваться королю, как и я. Любое ослушание расценивается как измена, но если вы все-таки предпочтете поступить по своему, знайте, что через несколько дней я возвращусь в Англию со своими подопечными, молодыми герцогом Ланди, маркизом Уэстли, леди Индией и Фортейн Линдли. Если вы желаете оставаться матерью своим детям, то последуете за мной. В противном слу-

чае я позабочусь о том, чтобы вы никогда их больше не увидели и были навсегда изгнаны из владений короля Якова.

Бирюзовые глаза Жасмин потрясенно распахнулись.

– Грязный ублюдок! Вы осмелитесь пойти на подобное? – вскипела она.

Джеймс бесстрастно взглянул на нее.

– Мне показалось, что мы уладили вопрос о законности моего рождения, мадам. И как преданный слуга короля, я подчинюсь его воле.

Жасмин запустила кубком в голову Джеймса, но тот, увернувшись, крепко стиснул хрупкое запястье и, притянув женщину к себе, припал к ее устам жгучим, беспощадным, словно объявление войны, поцелуем. Жасмин билась в сильных объятиях, безуспешно пытаясь вырваться. Когда же Джеймс отпустил ее, она, размахнувшись, отвесила ему звонкую пощечину и выбежала из зала.

– Не могу понять, вы любите ее или ненавидите? – с любопытством осведомилась Скай.

Джеймс Лесли задумчиво покачал головой.

– Когда-то безумно любил. Сегодня, оказавшись здесь, посчитал, что возненавидел. Пожалуй, сам не знаю, мадам Скай. Почему она так упорно противится судьбе?

– Думаю, вы с первой встречи поняли, милорд, как горда Жасмин. Ее переполняет решимость идти по жизни своей дорогой. Мы оба знаем, что король желал ей добра, когда приказал выйти за вас, и это действительно идеальное решение для моей внучки. Даже я готова теперь это признать. Лучшего мужа ей не найти, поскольку вы в большой милости у короля и к тому же очень богаты.

– Я поражен вашими словами, мадам. Кажется, именно вы помогли Жасмин бежать из Англии два года назад?

– Верно, но мне хотелось, чтобы у нее было немного времени собраться с силами и смириться со своей участью. Клянусь, я не раз хотела вернуть ее, но все-таки не сделала этого. У меня большая семья, милорд, и кто-то вечно нуждается в моей помощи, – растерянно улыбнулась Скай, пожимая красивыми плечами. – А я уже далеко не молода. Жаль, конечно, что я не спохватилась раньше. Боюсь, что Жасмин уже вкусила свободы.

– И так любит детей, что не бросит их? – задумчиво спросил граф.

– Как бы там ни было, милорд, постарайтесь сохранить решимость и твердость духа. Я помогу вам.

– Вы не ответили на мой вопрос, мадам.

– Да, она любит своих детей. Жасмин – самая преданная мать на свете, и я попробую отговорить ее от необдуманных поступков, но для этого нужно заручиться поддержкой ее слуг. Эти трое опекают Жасмин с самого рождения и привыкли ко всем ее выходкам и капризам. Ее управляющий, Адали, заменил ей отца. Он всегда соблюдает интересы Жасмин, а служанки беспрекословно ему повинуются. Вам же, лорд Лесли, я бы посоветовала немного ослабить поводья. Необъезженные резвые кобылки не любят ни тугой узды, ни кнута. Уж поверьте, я всю жизнь занималась лошадьми, и вы не прогадаете, последовав моим наставлениям.

Скай с трудом поднялась. Конечно, ум ее ясен, как всегда, и она не чувствует груза лет, но старые кости бунтуют против долгих утомительных поездок и дождливой погоды.

– Вы голодны, милорд? Да что я спрашиваю, конечно, да, после того как весь день провели в седле. Какое счастье скакать верхом! Ненавижу кареты!

Джеймс усмехнулся и, взяв Скай под руку, подвел к главному столу, где слуги уже расставляли блюда. Пожилая женщина, не позаботившись надеть сапожки, шла в одних чулках, ухитряясь при этом сохранять величавое достоинство. Откуда ни возьмись возник Адали и помог Скай устроиться на стуле.

– Где твоя хозяйка? – спросил граф.

– Заперлась в спальне и сыплет проклятиями на трех языках! Клянусь, ничего подобного я не слышал даже от матросов, – невозмутимо произнес Адали. – С ней Рохана и Торамалли. Они позаботятся, чтобы принцесса не покинула Бель-Флёр без вас, ваша светлость.

– А дети? – Неужели дети спрятаны в другом месте? До сих пор он в глаза никого из них не видел. – Где малыши, Адали?

– В детской, милорд. Хотите увидеть их сейчас или после ужина? Правда, их уже уложили.

– Мы с мадам Скай поднимемся к ним завтра, Адали, – решил Джеймс.

– Могу я послать госпоже поднос с едой? – осведомился Адали.

– Нет. Пусть твоя хозяйка спускается к нам, она здорова. Иди и передай, что мы будем рады ее обществу.

– Повинуюсь, милорд, – ответил Адали, оставаясь при этом абсолютно бесстрастным. Он не представлял, как воспримет госпожа подобное приглашение, но почему-то проникся уважением к властным манерам графа. Жасмин с каждым днем становится все упрямее и непредсказуемее, совершенно не занимается воспитанием своих отпрысков. Трое старших говорили между собой на смеси ломаного французского и английского. Скорбь по принцу Генри, Жасмин почти не обращала на них внимания. Всю свою любовь она отдавала младшему сыну, которому в сентябре исполнилось два года, безудержно баловала и этим непорочно портила его. Необходимо, чтобы в доме и постели госпожи вновь появился мужчина. Хозяин. Главное теперь – убедить в этом принцессу.

Адали отправился наверх и нашел госпожу в гардеробной, где служанки, повинувшись ее указаниям, собирали вещи.

– Мы исчезнем, прежде чем проснется граф или бабушка, Адали, – сообщила она. – Надеюсь, у тебя найдется, что подсыпать в вино. Пусть они спят долго и как можно крепче.

Адали сделал служанкам знак остановиться.

– Вы бросите детей, госпожа? – невозмутимо осведомился он.

– Конечно, нет! Дети поедут с нами! Как ты мог подумать такое?

– Моя принцесса, вы намеренно стараетесь послушаться короля Англии и лишиться детей законного наследства. Столь безрассудное поведение напоминает мне вашего брата, Селима, ныне Великого Могола, повелителя Индии! – покачал головой Адали. Его огромные карие глаза спокойно взирали на хозяйку. В юности он был похож на индианку-мать, теперь же, к пятидесяти годам, стал копией отца-француза.

Жасмин не верила своим ушам. Адали был ее лучшим другом!

– Неужели ты тоже считаешь, что я должна стать женой графа Гленкирка? – растерялась она.

– Он достойный супруг для вас, моя принцесса. Богат и в большой милости у короля. Да и собой недурен, к тому же вы знаете, каков он в постели. Помнится, тогда вы нашли его неплохим любовником. Он любит ваших детей и хочет сына-наследника. Чего еще желать, моя принцесса? Женщины вашей высокой касты не выходят замуж по зову сердца, а без влиятельного мужа и властного хозяина вам нечего ожидать от жизни.

– Жестокая смерть унесла двух моих мужей, Адали, – вздохнула Жасмин, – и не пощадила принца Генри. Графу Гленкирку стоит хорошенько подумать, прежде чем венчаться с такой женщиной, как я. Возможно, брат наложил на меня проклятие. Кроме того, Джеймс Лесли больше не любит меня и женится, чтобы угодить королю. Он ненавидит меня, Адали.

– В таком случае, вы не станете долго скорбеть, если его постигнет участь Ямал-хана и Рована Линдли, – рассудительно заметил Адали, – зато исполните волю короля и вернете его благоволение не только себе, но и детям. Если ваш брат в самом деле проклял вас, моя

принцесса, и мужчинам, которым вы отдаете сердце, суждено умереть, значит, и лорд Лесли познает неумолимость рока, а это прекрасный способ избавиться от врага, не так ли?

– Ты нисколько не веришь, что я обречена на вечное вдовство, правда, Адали? – раздраженно бросила Жасмин. – Все вы против меня, даже бабушка! Она встала на сторону графа, и поэтому мне необходимо бежать сегодня ночью. Другой возможности не представится.

– И снова вы забываете о детях! – упрекнул Адали. – Вы слишком долго жили одна, принцесса. Но теперь должны вернуться к людям! На сей раз я не стану вам помогать, и Рохана с Торамалли со мной согласны. Подумай, дочь моя, куда ты отправишься, покинув Бель-Флёр? Ты не сможешь поселиться во владениях короля Якова, и твои английские, ирландские и шотландские поместья для тебя закрыты. Только благодаря родственникам ты скрывалась так долго, но стоит мадам Скай все им объяснить, как тебе придется бежать и из Франции. К тому же в этой стране постоянно воюют католики с протестантами. Скоро оставаться здесь будет небезопасно. И что дальше? Мы оба знаем, что вы не можете вернуться к брату в Индию. Нет, принцесса, ваше место рядом с мужем! – отчеканил евнух, и Жасмин поняла, что впервые в жизни у нее нет иного выхода, кроме самого неприятного.

– Прикажете сказать его светлости, что вы спуститесь к ужину, госпожа? – мягко, но настойчиво осведомился Адали.

Жасмин хотела отказаться, но неожиданно почувствовала сильный голод. Сама мысль о том, чтобы пробраться на кухню и украдкой стащить что-нибудь, была невыносима. Нет, она не позволит графу командовать в собственном доме. Джеймс Лесли – самый высокомерный наглец на свете, но – гром и молния! – он не лишит ее ужина, как провинившуюся служанку!

– Я должна переодеться! – величественно, как подобает принцессе из дома Великих Моголов, заявила Жасмин. – Пожалуйста, передай бабушке, что я скоро приду.

Отпустив Адали, она начала совещаться со служанками.

Адали едва сдерживал восторг, увидев, как легко оказалось урезонить Жасмин. Правда, он знал, что принцесса вскоре изобретет новую уловку, желая настоять на своем. Но и тогда он сумеет что-нибудь придумать.

– Моя хозяйка вскоре спустится. Она переодевается к ужину, милорд, – объявил он, входя в зал.

– Ты молодец, Адали! – похвалила Скай. – Она уже собирала вещи?

Управитель невольно засмеялся.

– Совершенно верно, мадам, но я объяснил, что ей больше некуда бежать. Ее место рядом с мужем; к тому же она обязана позаботиться о детях.

Адали поклонился и принялся отдавать приказания слугам. Джеймс Лесли задумчиво наблюдал за ним.

– Он беззаветно предан Жасмин, – тихо сказала Скай, словно отвечая на его невысказанный вопрос, – и готов для нее на все, даже когда она ему перечит. Обращайтесь с ней получше, и Адали станет вашим самым ценным союзником, милорд. Не забывайте, ему доверял могущественный владыка.

Граф кивнул и заметил входившую в зал Жасмин. В это мгновение он простил ей все, восхищенный ее несравненной красотой. Платье вишневого бархата обнажало точеные плечи, волосы были уложены в высокую прическу. Джеймс Лесли поднялся, поцеловал ей руку и усадил рядом с собой. Жасмин слегка склонила голову.

– Как ты прелестна, дорогая моя девочка, – выдохнула Скай. – Само воплощение последней моды.

– Неужели моды совсем не изменились за это время? – небрежно поинтересовалась Жасмин. – Печально! А я уже предвкушала, как велю твоей Бонни сшить мне новенький, с иголки гардероб, бабушка!

– У вас будет все, что пожелаете, мадам, – заверил граф. – Моей невесте полагается роскошное приданое! Поверьте, расходы меня не страшат!

– Если мне понадобятся наряды, милорд, – уничтожающе бросила Жасмин, – я в состоянии заплатить за них. Я куда богаче вас, сэ. И пожалуй, раз уж мы собрались вместе, давайте обсудим наши дела. Король приказал нам пожениться, но этого не будет, пока я не соглашусь. Кроме того, необходим брачный контракт. Хотя я принесу вам немалое приданое, основное состояние останется в моем владении. И если вам это не по нраву, лучше сразу откажитесь от брака.

Ну вот, вероятно, такие речи не придутся по вкусу гордому шотландцу!

– Конечно, дорогая Жасмин, – учтиво согласился граф. – Я и не думаю покушаться на ваше богатство. В брачные контракты моей матери, да и вашей тоже, несомненно, были включены подобные условия. Я бы предложил сделать это немедленно, но не уверен, что договор, подготовленный французским адвокатом, будет иметь законную силу в Англии. Наверное, нам стоит подождать до возвращения на родину.

– Пока документы не составлены и не подписаны, о свадьбе не может быть и речи, – предупредила Жасмин.

– Естественно, мадам, – вежливо поклонился Джеймс.

Скай подцепила на вилку кусочек крольчатины и принялась энергично жевать, не пропуская, однако, ни единого слова из перепалки внучки с графом Гленкирком. Джеймс Лесли, очевидно, решил последовать ее совету, но Жасмин отнюдь не собиралась сдаваться. Почему она считает, что Лесли ее враг? Будь Скай на двадцать лет моложе и не замужем, вряд ли удержалась бы от искушения расставить графу любовные силки!

Старая леди невозмутимо отломил кусочек от карандаша.

– Я не шучу, Джеймс Лесли, – процедила Жасмин.

– Нисколько не сомневаюсь, мадам, – сухо отозвался граф.

– В таком случае, мы завтра же отправляемся в Англию, – заявила Жасмин.

– Нет, мадам, не завтра, а через неделю. Ваша бабушка нуждается в отдыхе и, кроме того, покинула свой дом едва ли не на следующий день после похорон мужа! Не мешало бы подумать и о ней! Откровенно говоря, я предлагаю возобновить знакомство на нейтральной территории.

– Вот как, сэ? И что же вам необходимо узнать обо мне? Я хороша собой, богата, в моих жилах течет королевская кровь. У меня было два мужа и любовник, принц Уэльский. Я мать четверых детей и много лет назад дарила вам неземные наслаждения в постели. Разве можно желать большего?

– Верно, мадам, – стиснув зубы, выговорил граф, – но мне очень хочется знать, не кроется ли под маской горделивой и бессердечной стервы, какой вы, по-видимому, успели стать, та очаровательная, милая женщина, которая покорила меня когда-то, дорогая Жасмин.

Очевидно, вино попало Скай не в то горло: она поперхнулась и громко закашлялась.

– Да как вы смеете говорить со мной подобным образом, надменный шотландский ублюдок? – взорвалась Жасмин, багровая от ярости.

– Наоборот, мадам, как посмели вы обращаться ко мне в столь пренебрежительном тоне? Я ваш будущий муж!

– Как только мы вернемся в Англию, я упаду перед его величеством на колени и буду молить об отмене приказа.

– А я попрошу вас не делать этого. И вы сами прекрасно знаете, что так оно и будет. Вы только разгневаете его своими неуместными просьбами. Король терпеть не может, когда

кто-то, особенно женщина, оспаривает данные ему Господом права неограниченной власти. Он принял решение и не отступит. И дело не в нас с вами, Жасмин! Речь идет о первом внуке короля, юном Чарлзе Фредерике Стюарте. Правда, он родился вне брака, но Стюарты заботятся о своих отпрысках.

– Мне не нужен муж, чтобы вырастить детей, – заупрямилась Жасмин.

– А король так не считает. Он знает, что я человек порядочный и не стану использовать мальчика, чтобы добиться собственных целей, как некоторые.

– Чванливый негодяй!

– Злобная ведьма!

– Животное!

– Сучка!

– *Молчать!*

Оба ошеломленно уставились на сурово хмурившуюся Скай.

– Препираетесь, словно капризные дети! Немедленно прекратите! – велела она и, повернувшись к Жасмин, сказала: – Король приказал тебе выйти замуж за этого человека. Он красив, достаточно богат, чтобы не считаться обычным охотником за приданым, респектабелен, и репутация его безупречна. Но главное, я его одобряю, а в этой семье мое слово имеет гораздо больше веса, чем любые повеления Якова Стюарта. Следовательно, дорогая моя, ты станешь женой графа Гленкирка. Жаль, что тебе самой не дозволено было выбрать мужа, но, увы, ничего не поделаешь. Что же до вас, Джеймс Лесли...

Старая женщина устремила на него строгий взор.

– Вы будете обращаться с моей внучкой учтиво и с подобающим вашей жене почтением. Надеюсь, между вами вспыхнет любовь, и я умру счастливой, ибо лучше такого брака ничего быть не может. Но если этого не произойдет, необходимо по крайней мере уважать друг друга и имя Лесли.

Она медленно встала из-за стола.

– Я старая женщина и перенесла долгое утомительное путешествие. Адали! Отведи меня в спальню, прежде чем ноги откажутся меня нести!

Она взяла управляющего под руку и удалилась, не удостоив их больше ни единым словом. Джеймс Лесли поднял кубок и задумчиво пригубил вино.

– Если хотите, – негромко предложил он, – мы останемся во Франции до весны и возобновим наше знакомство, мадам. В это время года морские путешествия опасны. Нам просто повезло на сей раз пересечь Пролив без всяких приключений.

– Наверное, так будет лучше, – неохотно согласилась Жасмин. – Дети смогут поближе узнать вас, милорд, и кроме того, мне не нравится, как выглядит бабушка. Смерть деда оказалась для нее ужасным ударом, а она еще нашла в себе силы покинуть Королевский Молверн и отправиться ко мне среди зимы! Может, отложим поездку до мая?

– Думаю, самым подходящим днем будет первое апреля, – вкрадчиво предложил он.

– Да вы шутите! – воскликнула Жасмин, припомнив, как провела графа почти два года назад, назначив свидание на первое апреля и пообещав объявить о дне свадьбы. Но, прибыв в Королевский Молверн точно в определенный срок, граф узнал, что она исчезла и увезла с собой детей.

– Благодарите Бога, мадам, что я не собирался обвенчаться с вами именно в этот день, – невозмутимо сказал Джеймс.

– Значит, вы так сильно ненавидите меня, милорд? – похолодев, пробормотала Жасмин. Казалось, она только сейчас ясно поняла причину его поступков и мрачного настроения. Что она наделала, сбежав от Джеймса Лесли! Признаться, Жасмин хотела лишь немного побыть одна, хорошенько все обдумать, оплакать милого, безвременно погибшего принца. О, почему

король так настаивал на браке с графом Гленкирком? Правда, Джеймс утверждает, что был готов ждать. Но откуда она знала это тогда?

– Я не могу разобраться в своих чувствах к вам, мадам, – вздохнул наконец граф. – Когда-то я был сражен вашей чарующей красотой и дружелюбием. Мне казалось, что я любил вас. Однако ваше нестерпимое высокомерие позволило увидеть вас в новом свете. Вряд ли я снова восплаю к вам прежней страстью, но ради детей, тех, что уже появились на свет, и наших будущих, мы обязаны стать друзьями. Наш дом должен превратиться в обитель мира и покоя в это смутное время.

Потрясенная этим признанием, Жасмин неожиданно выпалила:

– Наши дети, Джеймс Лесли, родятся либо в любви, либо их не будет вообще. Никогда. Я не чистокровная кобыла, к которой привели жеребца для случки. Я стану вашей женой и никогда не опозорю имя Лесли. Буду управлять домом, не обману и не предаю и во всем приму вашу сторону, но наше дитя родится только в любви.

– Как вы благородны, мадам, – язвительно бросил Джеймс. – Вы подарили Уэсли троих детей, хотя семья де Мариско устроила этот брак, чтобы последствия вашего распутного поведения не стали достоянием двора! Неужели вы действительно любили Рована Линдли?

– Да, – горько рассмеялась Жасмин. – Вы называете меня распутницей, подозрительно быстро забывая при этом, к какому скандалу привели ваша похоть и желание обладать мною! Та Двенадцатая ночь навсегда останется в моем сердце! Помнится, именно вы первым подошли ко мне, а я лишь позволила вам меня соблазнить – мы оба скорбели по безвременно ушедшим супругам и нуждались в утешении. И если бы моя сводная сестра Сибилла не застала нас вдвоем, никто бы ничего не узнал! Мы скоро забыли бы о случившемся, и каждый пошел бы своей дорогой.

Стальные пальцы молниеносно стиснули ее запястье.

– Я никогда не забыл бы нашу встречу, мадам, – яростно прошипел он. – В жизни я не встречал женщины, более прекрасной и волнующей! Но не думайте, что я прощу то, как вы посмеялись надо мной перед всем двором два года назад. Признайтесь, мадам, вы и впрямь считаете, что если на вашу долю выпало счастье родиться принцессой из семьи Моголов, ваша гордость и чувствительность не могут сравниться с моими? Что вы на самом деле знаете обо мне, Жасмин?

– Ничего, – покачала она головой, мягко высвобождая руку.

– Ну так слушайте. Давным-давно, в правление короля Малколма и его жены Маргарет, поистине святой женщины, мой предок, Энгус Лесли, лэрд Гленкирк, обвенчался с сестрой королевы, Кристиной. Обе сестры были дочерьми наследника короля Англии, но тот умер раньше своего отца. Второй брат должен был занять его место, но Гарольд Годвинсон отнял у него трон, а потом в страну пришел Вильгельм Завоеватель. Матерью этих сестер была Агата, принцесса Венгерская. Мой прадед Чарлз Лесли при рождении был наречен Каримом, принцем Оттоманской империи. Отцом его был султан Селим, братом – султан Сулейман. Моя прапрабабка Дженет Лесли стала любимой женой султана Селима. В моих жилах течет столько же королевской крови, сколько и в ваших, Жасмин Линдли, если не больше.

Потрясенная, но не тронутая его откровениями, Жасмин пожалала плечами.

– В таком случае, мы стоим друг друга, Джеймс Лесли, – заявила она, поднимаясь из-за стола. – Уже поздно, милорд. Я провожу вас в ваши покои.

Он последовал за ней, отмечая, как прямо держится эта женщина, как крепко сжаты ее губы, как надменно вздернут подбородок. Что еще она задумала? И можно ли доверять старой графине Ланди? Или она попросту отводит ему глаза с тем, чтобы вновь помочь внучке скрыться? Нет, хотя Скай О'Малли хитра и изобретательна, даже враги признают, что она честна и держит слово. Впрочем, у него нет иного выхода. Конечно, можно не спать ночами и сторожить ее, но долго ли он выдержит? И что, если он совершил очередную глупость, дав

Жасмин возможность подольше побыть во Франции? Неужели желание отомстить затмило здравый смысл? Возможно, следует завтра же пригласить священника, обвенчаться с ней и положить конец ее глупому упрямству?

Но Джеймс тут же покачал головой. Если Жасмин де Мариско Линдли взбредет в голову покинуть его, то ее не удержат никакие брачные обеты. Перед ним два пути – посадить Жасмин под замок или постараться вновь обрести ее дружбу.

– Ваш слуга уже ждет вас, – сказала Жасмин, останавливаясь перед дубовой дверью. – Доброй ночи, милорд.

Джеймс нежно поцеловал тонкие пальчики.

– Приятных снов, мадам, – кивнул он и вошел к себе.

Жасмин, поспешно выдернув руку, быстро пошла по коридору. От прикосновения его губ кожа горела огнем, и женщина поежилась. Человек, который должен стать ее мужем, тот, с кем почти десять лет назад она провела поистине упоительную ночь, по-прежнему оставался для нее незнакомцем. Время от времени они встречались при дворе короля Якова, но Жасмин избегала вечно мрачного графа Гленкирка. Она не понимала да и не старалась понять его, и даже немного побаивалась. Но об этом она никому не скажет, и уж тем более Лесли. Кокетством и лестью его не возьмешь. Таким, как он, нельзя вертеть, как марионеткой. Более жесткого и несговорчивого мужчины Жасмин еще не встречала.

Она оскорбила его. Опозорила перед всеми. Бросила. Однако Лесли, как истинный придворный, готов покориться королю и обвенчаться с ней. Такие люди опасны, и пока Жасмин не удастся его умиловить, ее жизнь будет несносной.

Жасмин вошла в спальню, села на кровать и задумалась. Бабушка, конечно, нашла бы выход. Завтра же она поговорит с мадам Скай, и та поможет ей отыскать слабое место Джеймса Лесли и покорить его сердце. Если у него вообще есть сердце.

Глава 3

Жасмин проснулась от стука дождевых капель по стеклу. Серый свет лился в окна, проникая сквозь полуспущенные гардины. В камине весело плясало пламя. Жасмин потянулась и плотнее укуталась в пуховое одеяло, ощущая идущий от простыней приятный запах лаванды. Как чудесно лежать на огромной дубовой кровати, купленной когда-то ее дедом! Жасмин так любила эту кровать с высоким изголовьем и четыремя резными столбиками. Полог и занавеси были из небеленого полотна, вышитого зеленым шелком. Великолепное убежище от бед и неприятностей этого мира... правда, у нее нет таковых... *О, какое заблуждение!*

Жасмин резко села. Боже, да она совсем забыла о вчерашнем! Беды и неприятности приняли обличье Джеймса Лесли, человека, которого король Яков сделал опекуном ее четверых детей. Джеймс Лесли, тот, кто должен был стать ее мужем!

В висках запульсировала боль, и Жасмин бессильно опустилась на подушки. Необходимо подумать. Потолковать со Скай. Впереди трудный день.

Дверь открылась, и на пороге возникли служанки. Рохана несла маленький серебряный поднос, на котором стояли кувшин с чаем и небольшая пиала из бело-голубого фарфора. Поставив поднос, Рохана налила в пиалу золотистую жидкость и протянула ее госпоже. Та поблагодарила и, глубоко вдохнув волшебный аромат, сделала первый глоток, чувствуя, как горячий напиток приятно согревает внутренности.

А в это время Торамалли выбирала утренний наряд хозяйки – черную бархатную юбку, корсаж из серебристо-белой парчи, к которым полагались шелковые чулки, простые черные бархатные туфельки и драгоценные украшения. Рохана поспешно готовила ванну в маленькой смежной комнате, которую Жасмин, приехав впервые в Бель-Флёр, отвела под ванную. В каморке установили насос, а вода подогревалась на маленьком очаге, прежде чем подавалась вверх.

Допив чай, Жасмин встала с постели. До нее донеслось благоухание масла с ароматом ночного жасмина, которое служанка добавляла в воду.

– Дети проснулись? – озабоченно спросила она.

– Уже в зале, – ответила Рохана, помогая госпоже надеть халат.

– Няньки узнали о приезде лорда Лесли, – добавила Торамалли, – и одели малышей, как подобает при встрече знатного гостя.

Жасмин кивнула, но не стала спрашивать женщин.

– Я не могу больше мешкать, – вздохнула она наконец, – и если немедленно не спущусь, то меня посчитают плохой хозяйкой. Бабушка уже встала?

– Мадам Скай предпочла остаться в постели. Эта древняя старушенция Дейзи потребовала принести почтенной леди завтрак.

Жасмин торопливо вымылась, оделась и насилу дождалась, пока Рохана уложит ее волосы. Застегнув на шее ожерелье из огромных жемчужин и вдев в уши такие же серьги, она поспешила вниз и, еще не дойдя до холла, услышала веселые детские голоса. Не замеченная остальными, она остановилась на пороге, наблюдая за происходящим.

Джеймс Лесли, одетый в черный бархат, с зачесанными назад волосами, едва доходившими на затылке до края белого жабо, сидел у камина в кресле с высокой спинкой.

– Превосходно, милорд Генри, – похвалил он юного маркиза Уэстли. – Ваш придворный поклон улучшается с каждой попыткой. Вы не посрамите покойного отца и нас с матерью, когда придет время представляться ко двору и приносить королю клятву верности. Но постарайтесь запомнить, о джентльмене судят прежде всего по репутации и уж потом по манерам.

– А как насчет кошелька? – дерзко вмешалась леди Индия.
Уголки губ Джеймса чуть дрогнули.

– А уж это, миледи Индия, никого не должно касаться, хотя, бьюсь об заклад, слухов будет немало, когда такой блестящий и красивый молодой джентльмен, каким, несомненно, вскоре станет ваш брат, появится в обществе.

– А вы научите меня делать реверанс, как уже научили Генри кланяться? – не отставала Индия.

– Ваша матушка позаботится о безупречности ваших манер и знании этикета до того, как мы вернемся в Англию, миледи. Я сам попрошу ее об этом.

– Вы все еще хотите жениться на маме? – удивился Генри.

– Да, – кивнул граф. – Это приказ короля.

– А вы любите маму? – допытывалась Индия. – Отец очень ее любил, и она его тоже. Как жаль, что этот подлый ирландец убил нашего отца, милорд. Я так тоскую по нему!

– Поразительно, что вы еще помните его, миледи Индия. Вы были совсем маленькой, когда он погиб, – заметил граф.

– Он был настоящим златовласым великаном и подбрасывал меня к потолку. Генри совсем его не знает, он тогда еще не умел говорить. Мама часто рассказывает об отце.

Но тут Федерс, озорной спаниель, разразившись звонким лаем, метнулся к двери и впелился в юбку Жасмин. Той пришлось подхватить песика на руки.

– Да замолчи ты, противное создание, – притворно нахмурилась Жасмин. – Доброе утро, дорогие. Вижу, вы уже поздоровались с нашим гостем. Доброе утро, милорд.

Джеймс Лесли поднялся и, целуя ее руку, шепнул:

– Здравствуйтесь, мадам. Надеюсь, вы хорошо спали.

Они направились к столу, где слуги уже расстлали скатерти.

– Пойдемте, дети, – позвал граф, – сегодня вы можете позавтракать вместе с нами.

Леди Фортейн Линдли, четырех с половиной лет, несколько раз дернула за рукав мать. Наконец та обратила на нее внимание.

– Что случилось, дорогая?

– Это мой отец, мама? – пролепетала девочка, но прежде чем Жасмин успела ответить, вмешался Джеймс Лесли:

– Нет, дитя мое. Твой отец в раю, но я заменю его вам, если позволите.

– А у вас есть такие же мальчики и девочки? – поинтересовалась Индия.

– Были когда-то, – с грустью ответил Джеймс.

– Индия! – предостерегающе окликнула мать, но девочка словно не слышала.

– Где же они, милорд? Где ваши ребятишки? Они будут играть с нами, когда вы станете нашим отцом?

– Мои дети, малышка, на небе, вместе со своей матерью, – вздохнул Джеймс. – Это было очень давно, так давно, что я уже забыл их лица, – тоскливо пробормотал он и, отодвинув стулья, усадил Жасмин, а потом девочек.

– Генри, запомни на будущее, когда ты обедаешь за главным столом, сначала нужно позволить женщинам сесть, – объяснил он мальчику, стараясь сменить тему разговора.

– Да, сэр, – кивнул тот.

Жасмин была поражена. Лишь сейчас до нее дошло, что дети говорят по-английски не только с графом, но и между собой. И одеты прилично, а на ногах башмаки. Такими вежливыми и почтительными она давно их не видела.

– Их манеры оставляют желать лучшего, – тихо заметил граф и, не повышая голоса, велел детям передавать друг другу хлеб, а не отщипывать куски от каравая и не бросать их через весь стол.

Жасмин страшно хотелось посмеяться над ним, но она сумела сдержаться. Кроме того, ей почему-то стало неприятно, что дети так легко приняли Джеймса Лесли. Она почти ревновала, хотя сознавала, что если малыши поладят с отчимом, то в семье будут царить мир и согласие. Детям совсем не обязательно разбираться в тонкостях отношений между Лесли и матерью. Судя по тому, что Жасмин видела сегодня утром, граф справедлив и станет хорошо относиться к Генри, Индии и Фортейн. Приходилось признать, что ее семейство нуждается в крепкой мужской руке.

Жасмин рассеянно скормила Федерсу кусочек ветчины и погладила пса по голове, когда тот облизал ее пальцы.

– Вижу, и его успели избаловать, – заметил граф.

– Федерс – подарок Рована в день моего восемнадцатилетия. Собственно говоря, его настоящим даром были Магвайр-Форд и примыкающие к нему земли. Помню, как рассердился дядя Патрик, когда Рован отдал мне документы на право владения. Но тогда я не придала этому никакого значения. Сейчас я желала бы, чтобы он ничего не дарил, кроме моего милого Федерса.

Задумчиво хмурясь, она почесала спаниеля за ухом.

– С тех пор вы не были в Ирландии? – спросил Джеймс.

Жасмин покачала головой.

– Нет. Сын бывшего владельца, Рори Магвайр, управляет поместьем от моего имени. Там мирно уживаются католики и члены англиканской церкви. Я развожу лошадей, вернее, это делает за меня Рори. Возможно, когда-нибудь я подарю поместье Фортейн, поскольку она там родилась. Вы не находите, что это будет для нее прекрасным приданым?

– Наверное, – согласился он, – но, мадам, нам необходимо поговорить.

– Только не в присутствии детей, милорд, умоляю, – чуть слышно ответила Жасмин. – Все наши беседы кончаются криками и ссорой, а я не хочу, чтобы они это видели.

– Конечно, мадам, вы совершенно правы, им ни к чему знать о наших распрях. Однако хотя бы ради детей мы должны прийти к согласию.

Его золотисто-зеленые глаза бесстрастно смотрели на Жасмин. Но она не отвела взгляд.

– Не лучше ли будет провести некоторое время в обществе друг друга, прежде чем обсуждать дела? К тому же мне хотелось бы спросить совета у бабушки.

Ложка Джеймса замерла над яйцом-пашот, сваренным в сливочном соусе с марсалай⁴ и перцем. Блюдо оказалось необыкновенно вкусным, и он никак не мог понять, служит ли повар лично у Жасмин или в Бель-Флёр. Вытерев губы салфеткой, он заметил:

– В последний раз ваше стремление посоветоваться с бабушкой закончилось бегством во Францию. Подобное решение трудно назвать мудрым.

– Идея принадлежала не ей, а мне, – спокойно пояснила Жасмин, – а она не возражала лишь потому, что считала, будто я собираюсь вернуться к концу лета. Пожалуйста, не вините бабушку. Неужели вы считаете меня безмозглой дурочкой, не способной отвечать за свои поступки? Ради Бога, сэръ, не надо меня оскорблять.

– Пожалуй, я подумаю над этим, но каким образом, мадам, мы, по-вашему, должны возобновить наше знакомство?

Джеймс произнес это совершенно спокойно, но в глазах светились издевка и вызов. И... и еще, кажется, веселые искорки.

Жасмин пыталась сохранить присутствие духа и не выказать гнева перед сыном и дочерьми, хотя руки так и чесались дать Лесли по физиономии.

---

⁴ Сорт вина.

– Не хотите ли после завтрака увидеть сына принца Генри, милорд? – осведомилась Жасмин. Она не станет отвечать на его глупые намеки!

Граф Гленкирк подавил смешок. Похоже, она не поддалась на уловку и не вспылила. Как мало, оказывается, он знает Жасмин! Мысль остаться во Франции и поближе познакомиться с маркизой привлекала его все больше. Лесли проглотил кусочек окорока и запил его превосходным сидром.

– Надеюсь, мой самый юный подопечный в добром здравии, мадам?

– Как и остальные дети, милорд. Я постоянно переписывалась с бабушкой, а она обо всем сообщала королеве. Не хотела, чтобы родители Хэла волновались зря; они и без того расстроены из-за скандала с Робертом Карром и его женой.

Лесли уже хотел что-то ответить, но в этот момент заметил, как маленький Генри поспешно направляется к выходу.

– Милорд Уэстли, – окликнул он, – куда это вы?

– Я уже позавтракал, сэр, – объяснил мальчик.

– Вы вышли из-за стола, не спросив разрешения у матери, – строго сказал граф. – Немедленно вернитесь! Полагаю, вы запомните, что это необходимо делать каждый раз.

Генри Линдли тотчас же подчинился и вежливо поклонился матери:

– Мадам, я могу выйти из-за стола? Завтрак был превосходен.

– Можешь быть свободен, Генри, – величественно кивнула мать. – Куда ты собираешься?

– В конюшню, мадам. Надо проведать моего пони.

– Захвати ему яблоко, – улыбнулась Жасмин.

– Спасибо, мадам.

Генри снова поклонился матери и гостю, прежде чем весело помчаться к двери. Индия и Фортейн тоже встали.

– А нам можно идти, мама? – спросила Индия.

– Да, и передайте бабушке, что я скоро поднимусь к ней.

– Хорошо, мама, – церемонно произнесла Индия, и девочки сделали реверанс.

– Индия, – добавила Жасмин, – тебе совершенно не требуется моя помощь! Вы обе идеально приседаете. Словно перед королевой.

Дочери, восторженно переглянувшись, гордо направились к выходу.

– Дети любят вас, – заметил Джеймс.

Жасмин удивленно подняла брови:

– Что в этом странного?

– Многие титулованные и знатные матери не обращают внимания на отпрысков, предоставляя их заботам нянь и гувернанток, и сами предпочитают развлекаться при дворе.

– Но моя мать не такова, – возразила Жасмин. – Меня вырастила одна из жен Могола, и хотя слуг у нас было множество, Ругайя Бегум никогда мной не пренебрегала. Я следую ее примеру да еще своей матери, леди Гордон. Дети не вырастут порядочными людьми, если лично не следить за их воспитанием и образованием, милорд. И хотя я позволила малышам резвиться на свободе здесь, в Бель-Флёр, все же постараюсь, чтобы они не опозорили ни себя, ни меня, когда мы вернемся домой в Англию. Ребятишки еще малы, и я хочу, чтобы они подольше насладились золотым детством, которое так быстро проходит. Они успеют познать заботы и горести взрослых.

Жасмин величаво поднялась.

– Ну а теперь предлагаю отправиться к маленькому Чарлзу Фредерику.

Джеймс и не подозревал, что у нее так развито чувство долга. В его памяти остались лишь единственная безумная ночь любви, подсмотренная случайно сцена страстных ласк между ней и принцем Генри, долгие прогулки в заснеженном саду ее деда, когда Джеймс

собирался жениться на Сибилле, сводной сестре Жасмин. Столько воды утекло с тех пор, а они по-прежнему были далеки друг от друга. Настало время положить конец отчуждению.

Джеймс Лесли последовал за Жасмин в детскую, где обитал внук короля.

Чарлз Фредерик Стюарт оказался копией отца – такие же красно-золотистые локоны и широко расставленные голубые глаза. Он был в платье синего бархата, отделанном кружевами. При виде матери лицо ребенка зажглось радостью.

– Ма-а-а-а, – проворковал он, протягивая пухлые ручки в перевязочках.

– Чарли, детка, – воскликнула Жасмин и, взяв младенца у няни, поцеловала в румяную щечку.

– Чей он? – нахмурился малыш, показывая пальчиком на Лесли. – Чей он, ма?

– *Кто* он, – спокойно поправила Жасмин. – Это, малыш, лорд Лесли. Король, твой дедушка, велел, чтобы он стал твоим новым папой. Пожалуйста, поздоровайся с ним, как подобает королевскому внуку. Генри и твои сестры уже показали, какие у них прекрасные манеры, а теперь твоя очередь.

Незаконный сын безвременного ушедшего принца взглянул на Джеймса, протянул руку и пролепетал:

– Как поживаете, сэръ?

Маленький ротик растянулся в улыбке, обнажая крошечные жемчужинки зубов, и перед Джеймсом на миг предстал принц Генри Стюарт. Сердце графа сжалось. Осторожно взяв тонкую ладошку, он ответил:

– Здравствуйте, милорд герцог. Для меня большая честь познакомиться с вами.

– Играть мяч! – потребовал Чарлз, выворачиваясь из объятий матери. Наконец, добившись своего, он подхватил с ковра ярко раскрашенный деревянный шарик и с надеждой уставился на графа. – Играть мяч? – повторил малыш, блестя глазками.

Джеймс, ухмыльнувшись, уселся на пол, скрестив ноги.

– Ладно, парень, будем играть в мяч, – кивнул он.

– Развлекайтесь. Меня ждет бабушка, – сказала Жасмин и поспешно вышла, удивившись, как легко граф Гленкирк согласился на просьбу ребенка. Она была искренне тронута, увидев, что они сосредоточенно перекатывали мяч друг другу. Да, у Джеймса Лесли поистине доброе сердце!

Жасмин рассеянно погладила спаниеля и, снова взяв его на руки, тихо спросила:

– Ну, что ты думаешь, Федерс? Сможем ли мы ужиться с этим человеком?

Пес грустно смотрел на нее огромными карими глазами.

Жасмин остановилась перед спальней бабушки и, постучав, вошла. Скай удобно устроилась на большой кровати. Глаза ее были закрыты. Дейзи как раз собиралась унести поднос с остатками завтрака.

– Она снова спит? – прошептала внучка.

– Конечно, нет, дорогая, – отозвалась пожилая женщина. – Я достаточно хорошо отдохнула. И всегда прекрасно засыпаю в Бель-Флёр.

– Вчера я хотела поместить вас в хозяйских покоях, но Дейзи не позволила, – заметила Жасмин, отпустив собачку.

– Она права. Ни к чему лишний раз напоминать мне о твоём дедушке, Жасмин. Он навеки в моем сердце. Я просто не смогла бы лежать в той чудесной кровати, которую он заказал, когда мы поженились. В этой комнате меня не преследуют воспоминания. Совсем забыла, кто из детей здесь спал. Боже, как давно... Мы с Адамом были так счастливы!

– Мне очень жаль, бабушка, – вздохнула Жасмин. – Прости, что не сказала этого вчера, но я была слишком потрясена известием о смерти дедушки и прибытием лорда Лесли. Беда в том, что я вечно думаю только о себе. Мне надо было находиться все это время в Королевском Молверне рядом с тобой и дедом, милая бабушка. Теперь я никогда его не увижу.

– И я тоже, – шепнула Скай. – Я любила его больше всех моих мужей и любовников, дорогая, но не передавай это твоим теткам и дядюшкам, они ужасно расстроятся.

– Понимаю, – кивнула Жасмин. – Я любила своего первого мужа, Ямала, но Рована любила куда сильнее.

Молодая женщина села на край кровати.

– Как мне поступить с лордом Лесли, бабушка? О, знаю, что я должна обвенчаться с ним, и сегодня утром он был так добр и терпелив к моим детям, но что мне делать? Он такой властный и надменный. Знаешь, граф рассказал, что происходит от турецких султанов и в его жилах течет кровь повелителей великой империи. Интересно, это правда?

– Признаться, я подозревала что-то в этом роде. Судя по внешности, он, несомненно, шотландец, но глаза чуть раскосые, а это доказывает, что среди его предков были уроженцы Востока. Н-да. Дорогая, поскольку ты должна стать женой графа Гленкирка, придется тебе завоевать его сердце.

– Неужели король не передумает, бабушка? – допытывалась Жасмин.

– Вряд ли. Джеймс Стюарт так же несговорчив, как его покойная кузина Элизабет Тюдор, и, говоря по правде, тебе давно пора выйти замуж, Жасмин. Конечно, мне хотелось бы, чтобы на сей раз выбор оставался за тобой, но ничего не поделаешь. Чем скорее успокоишь растревоженные чувства Джеймса Лесли и пригладишь взъерошенные перышки, тем лучше. Кстати, мне в голову пришла неплохая мысль, – хмыкнула Скай.

– Какая именно? – невольно любопытствовала Жасмин.

– Я считаю, вы примиритесь гораздо скорее без постоянного присутствия назойливой старухи и четверых детишек, – пояснила Скай. – Через неделю-другую я заберу малышей и отправлюсь с визитом к своим родственникам в Аршамбо, а оттуда в Париж. К тому времени зима пойдет на убыль, и мы спокойно можем вернуться в Англию. А вы успеете уладить все раздоры. Ну а потом вы последуете за нами, и в ознаменование такого счастливого случая я хотела бы, чтобы вы обвенчались в Королевском Молверне.

– Он решил, что мы должны пожениться в присутствии всего двора, – мрачно пояснила Жасмин.

– Граф погорячился! Если я попрошу его о такой малости, он не сумеет мне отказать, – лукаво пообещала Скай.

Жасмин весело рассмеялась.

– Мадам, ни один мужчина не осмелится на подобное, – заверила она. – Гром и молния, как бы я хотела быть такой, как вы!

– Боюсь, ты и так слишком на меня походишь! – усмехнулась Скай. – Надеюсь, однако, что ты обретишь мудрость гораздо раньше, нежели я. Оглядываясь на прожитую жизнь, все мои безумные выходки и похождения, я удивляюсь, что до сих пор жива и относительно здорова!

Жасмин пристально взглянула в дорогое лицо.

– Никогда не покидай меня, – тихо попросила она.

Скай ободряюще похлопала молодую женщину по руке.

– Когда-нибудь я уйду, дорогая, но не сейчас, нет, и даже если моя душа покинет это бренное тело, я все равно останусь с тобой, Жасмин. Ты только помни обо мне, а я всегда с готовностью прошепчу тебе на ушко очередной совет. Кстати, в этом браке есть еще одно преимущество! Не придется менять метки на белье! Имена Лесли и Линдли начинаются с одной и той же буквы «Л»!

Жасмин с шутилой укоризной покачала головой:

– С тобой нет никакого сладу, бабушка!

– Совершенно верно, – согласилась пожилая женщина. – Не ты первая говоришь мне это, малышка. Далеко не первая!

– Как была в молодости бесстыдницей, так ею и осталась, – проворчала служанка. – Ну, леди, вы собираетесь весь день валяться в постели или все-таки приготовить ванну?

– Ванну, старая карга, – добродушно ответила Скай. – Жасмин, а где наш гость?

– В детской, играет в мяч с Чарлзом. Знаешь, он удивительно умеет обращаться с детьми. Утром, войдя в зал, я увидела, что граф учит Генри придворным поклонам! А девочки им просто очарованы. Хотелось бы мне знать, сколько детей у него было и как он их потерял? Лесли так неумолим и суров, а при виде ребятишек мгновенно смягчается.

– Дорогая, дети имеют обыкновение вырастать и покидать родителей. Если тебе не удастся сразу покорить его, то ваша семейная жизнь превратится в ад. Кстати, я кое-что припомнила. Джеймс Лесли был женат на кухне, из семейства Гордонов. Она родила ему двух сыновей и носила третье дитя, когда однажды, вместе с мальчиками, отправилась навестить свою родственницу-монахиню. К несчастью, в тот день на монастырь напала толпа бродячих фанатиков-кальвинистов. Они насиловали, жгли и убивали католиков, так что молодая графиня и ее дети подверглись ужасным пыткам вместе со всеми благочестивыми сестрами. И хотя король велел расследовать это преступление и наказать виновных, подлые негодяи как сквозь землю провалились. Джеймс был вне себя от горя и до сих пор скорбит по погибшим.

– Он так и не женился вторично, – задумчиво подтвердила Жасмин.

– Верно, хотя родные уговаривали его вступить в новый брак, поскольку с того страшного дня прошло уже пятнадцать лет. Сейчас его сыновья были бы совсем взрослыми! Какая ужасная трагедия!

– Бабушка, Джеймс признался, будто он через несколько дней после того скандала из-за Сибиллы приехал в Гринвуд, чтобы попросить разрешения ухаживать за мной. Но ты отослала его, объяснив, что брачный контракт с Рованом уже подписан. Джеймс добавил еще, что ты не велела ему рассказывать мне о своем приезде. Это правда, бабушка?

– Да, – не колеблясь, кивнула Скай. – Граф не лжет.

Жасмин печально потупилась.

– Как я была глупа! Мне не стоило убежать от него.

– Не мучай себя понапрасну, дорогая моя девочка. Тебе, по-видимому, требовалось куда больше времени, чем был готов дать Джеймс Лесли. Твоя ошибка в том, что ты оставалась здесь так долго. И в этом немало моей вины. Вместо того чтобы помогать тебе дурачить графа, нужно было посоветовать немедленно возвращаться. Но что сделано, то сделано, и тебе надо подумать, как вернуть чувства Джеймса Лесли. А для этого необходимо согласиться с моими планами. Ну как, стоит мне забрать детей и не спеша отправиться домой?

– Побудь немного в Бель-Флёр, бабушка, а потом мы сделаем вид, будто твоя остроумная идея только что пришла нам в голову.

– И граф вряд ли откажет – конец зимы не за горами, – улыбнулась Скай. – Но пока дети не должны слишком надоедать ему... Придумала! Мы найдем им гувернера, пусть начинают занятия! Таким образом, у них почти не будет свободного времени, а я помогу тебе укротить Джеймса. Ну а потом я благополучно увезу детей в Королевский Молверн, и у тебя появится возможность соблазнить этого вечно хмурого красавца, дорогая Жасмин, а как только он окажется во власти твоих чар, вы поженитесь и будете жить в любви и согласии. Ах, как все это напоминает мне мою юность!

– Малышка! Малышка! Опять ты вмешиваешься в дела молодых!

Скай оцепенела. Это его голос! Она отчетливо слышала голос Адама!

– Бабушка? – встревоженно пролепетала Жасмин.

Скай зябко поежилась.

– Ничего страшного, – заявила она, боясь, однако, уж не сходит ли с ума, но тут же постаралась обо всем забыть и, полная былой энергии, принялась размышлять, как помочь любимой внучке. Обворожить мужчину и украсть его сердце совсем нетрудно, особенно

если женщина так красива и умна, как Жасмин. Соперник! Да-да, графу Гленкирку, несомненно, нужен соперник, который оспаривал бы его права на Жасмин. Ничто так не подогревает страсть будущего супруга, как внезапное появление другого мужчины, готового на все ради любимой. Конечно, Жасмин ни о чем не должна знать, ведь и ей предстоит влюбиться в Джеймса.

Соперник должен быть настоящим красавцем, но, возможно, несколько легкомысленным повесой. Ее внучка не обратит внимания на человека, не отличающегося благородством и порядочностью. Да! Какой блестящий план!

– Ну а теперь беги, дорогая девочка, – велела Скай. – Дейзи, ванна наконец готова, или мне ждать до второго пришествия?

Скай с трудом сползла с кровати.

– Кровь Господня! Я совсем забыла, как сыро зимой в этом замке! Подбрось дров в камин, Дейзи, меня пробирает до костей!

– Скорее бы очутиться дома, – проворчала служанка.

– Не волнуйся, мы тут не задержимся, – уверила ее хозяйка. – Как только я кое-что сделаю, мы сразу же уедем.

– Опять у вас этот взгляд! – покачала головой Дейзи. – Ничего подобного я не видела вот уже лет двадцать!

– Какой еще взгляд? – невинно осведомилась Скай.

– Тот самый! Уж его светлость не похвалил бы вас за это, право, не похвалил бы! Я всегда знала, что стоит ему покинуть нас, и вы снова возьметесь за старое, миледи! Почему бы не жить спокойно, наслаждаясь оставшимися годочками в окружении внуков и правнуков?

– Я еще переживу тебя, старая развалина, – пообещала Скай. – Вечно суешь нос в чужие дела!

– Может, и так, – согласилась Дейзи, – но когда меня не станет, некому будет сказать вам правду!

– Я хочу наконец искупаться! – фыркнула Скай. Но Дейзи покачала головой.

– Мы обе чересчур стары!

– Только не я! Никогда не стану сидеть в уголке и перебирать сплетни лишь потому, что больше немолода, Дейзи Келли!

Дейзи снова потрянула головой. Наверное, зря она не отпустила с госпожой неряху Марту. Господу одному известно, что на уме у леди Скай и чем это кончится.

Глава 4

– Дорогая! – воскликнул Александр де Савилль, граф де Шер, целуя невестку в обе щеки. – Не думал, что еще раз увижу вас в этой жизни: я безумно люблю Аршамбо и редко его покидаю, как, впрочем, и вы свой драгоценный Королевский Молверн.

– Адам умер, – без предисловий сообщила Скай, сбрасывая на руки лакею подбитую мехом накидку.

– О, бедная моя сестра! – печально вздохнул граф. – Надеюсь, он недолго болел?

– Адам прожил длинную жизнь, Александр. Что ни говори, он был на тринадцать лет старше тебя и на десять – меня.

– Когда это случилось?

Граф проводил гостью в роскошный салон, где в камине весело потрескивали дрова, и усадил в кресло. Тотчас же в комнате появился слуга с бокалами вина.

– В Двенадцатую ночь. И он совсем не болел, смеялся и шутил в кругу семьи и успел всех благословить.

Его смерть стала таким потрясением для нас, и в первую очередь для самого Адама, – горько пошутила она.

– Какая прекрасная кончина! Да упокоит Господь его добрую душу.

Он на несколько мгновений склонил голову. Скай пригубила вино, поразившись тонкому вкусу.

Закончив молчаливую молитву, граф обратился к невестке:

– Вы были так добры, что сами привезли нам печальную весть, но, думаю, это не единственная причина приезда во Францию. Насколько я понимаю, вы решили вернуть Жасмин с детьми на родину, сестрица?

– Да, Александр, давно пора.

Она рассказала, как лорд Лесли последовал за ней в Бель-Флёр.

– Когда-то он любил ее, но теперь... не знаю. Во всяком случае, он прекрасно относится к детям, а это уже хороший знак.

– Разумеется, но этого мало. Надеюсь, вы поможете нашей прелестной Жасмин, сестра, по крайней мере я в этом уверен, – усмехнулся граф.

Скай рассмеялась.

– Неужели на старости лет я совершенно разучилась скрывать свои мысли, Александр? Вы, конечно, правы. Я хочу помочь своей дорогой девочке и, если лорд Лесли разрешит, привезу вам детей погостить, а потом мы отправимся в Париж и наконец домой. Таким образом, моя внучка и ее жених будут вынуждены уладить споры и возобновить отношения. Возможно, после моего отъезда вы соблаговолите пригласить их в Аршамбо. А пока пусть побудут вдвоем, и кто знает, что из этого выйдет.

– Любовь... Великое чувство, – согласился граф. – Безусловно, дорогая, приезжайте в Аршамбо, буду очень рад. Я уже тоже прадед. Наш внук Филипп, следующий граф де Шер, подарил нам правнука, Антуана, названного так в честь моего отца.

– С грустью узнала я о смерти вашего сына, – вздохнула Скай.

– Эти проклятые религиозные войны, – покачал головой граф. – Мой сын Адам не принимал ничью сторону, но пал жертвой всеобщего безумия, возвращаясь домой из Нанта. Его жена Луиза вскоре умерла от тоски, несчастная девочка. У них был всего один ребенок. Филипп – хороший мальчик. Он рано женился и произвел на свет Антуана и его сестричку Мари. Жена Филиппа снова беременна. Он ровесник Жасмин. Мы попросим его развлекать кузину и лорда Лесли, а я со своей Элен буду просто сидеть у камина и наслаждаться покоем. Все-таки и в почтенном возрасте есть свои преимущества, не правда ли?

– Но их чертовски мало, – возразила Скай и рассмеялась. – Где Элен? Я не могу вернуться в Бель-Флёр, не повидав ее.

– Пойдемте со мной, дорогая. Я отведу вас к ней. В сырую погоду у Элен ноют кости, и она старается не выходить из комнаты.

– Где ты была, бабушка? – допытывалась Жасмин, когда Скай наконец вернулась в замок.

Неделя прошла ужасно. Оказалось, что между ней и Джеймсом нет совершенно ничего общего, и каждый их разговор кончался обменом язвительными репликами, превращаясь в бессмысленные стычки. Жасмин и без того приходилось нелегко, а исчезновение Скай повергло ее в панику.

– Я гостила в Аршамбо, – спокойно ответила Скай, усаживаясь перед огнем и жадно припадая к кубку с вином. – Ну, милорд, хорошо ли вы с Жасмин провели день?

Она одарила широкой улыбкой Джеймса Лесли, сидевшего рядом и мрачно уставившегося на огонь.

– Дождь прекратился, так что мы смогли прогуляться с детьми в саду, – угрюмо пробормотал граф.

– У моего деверя, графа де Шер, возникла чудесная идея! – восторженно заявила Скай. – Он пригласил меня с детьми в Аршамбо, с тем чтобы вы смогли без помех побыть вдвоем. Надеюсь, вы нас отпустите. Его внук Филипп родился в один год с Жасмин. И у него есть крошка сын, чуть постарше Чарли, но моложе леди Фортейн. Детям необходимо познакомиться со своими французскими родственниками. Не исключено, что когда-нибудь нашей королевой станет французская принцесса!

– А далеко ли Аршамбо? – осведомился Джеймс.

– Всего в нескольких милях отсюда, за полями, – пояснила Скай. – Граф Александр де Савилль – сводный брат Адама. Его сын, названный в честь моего мужа, был зверски убит, и теперь наследник титула – Филипп. Прекрасная семья!

– И как долго вы собираетесь там побыть, мадам? – поднял брови граф.

– Неделю-другую, – уклончиво ответила Скай, делая вид, что не замечает возмущенного взгляда внучки.

– Я подумаю над вашей просьбой, мадам, – пообещал граф.

– Что за глупость! – взорвалась Жасмин. – Какая разница, познакомятся дети Савиллей с моими или нет! Как только мы вернемся в Англию, о нас тут же забудут! Кроме того, Чарлза еще не отняли от груди! Я не отпущу его, бабушка!

– Не я тут принимаю решения, дорогая девочка, – возразила Скай, кивнув на графа. – Что же до маленького Чарлза Фредерика... Жасмин, подумай, ведь осенью малышу исполнится три года! Я никогда так долго не кормила грудью своих младенцев. А что касается детей, твоих и де Савилля – неизвестно, вдруг кому-то из них понадобится помощь. Никогда не помешает знать своих родственников, даже самых дальних. Александр де Савилль – твой двоюродный дед. Его сын Филипп – твой кузен, и когда-нибудь тебе могут пригодиться его связи. Да ведь и у графа Лесли во Франции есть родные, если не ошибаюсь.

– Совершенно верно, мадам. Двое дядюшек моего отца женились на француженках. Их семьи живут около Фонтенбло, недалеко от Парижа. Я хорошо знаком с ними.

– Вот видишь, – проворковала Скай. – Граф счел нужным узнать французскую ветвь своей семьи.

И тут же согрела их своей искренней улыбкой.

– Не хочу разлучаться с детьми, – упрямо пробурчала Жасмин, гневно сверкая бирюзовыми глазами. – Я мать, и мне решать, что с ними делать.

– Ошибаетесь, мадам, эта ответственность возложена на меня, как на законного опекуна, – вмешался граф Гленкирк. – Думаю, детям не мешает повидаться со своими кузенами. Не век же юному Чарлзу сосать материнское молоко! У него достаточно зубов, чтобы жевать твердую пищу, а вы, по-видимому, вознамерились сделать из него маменькина сынка!

Жасмин прошипела нечто нечленораздельное, яростно сжав кулаки.

– Дорогие мои, – торопливо встала Скай, – не надо ссориться из-за пустяков. Жасмин, да будь же разумной! Дети столько времени провели в Бель-Флёр, словно в заточении! Им необходимы перемены. К тому же они смогут лучше усвоить правила этикета до возвращения в Англию, где займут подобающее им место в обществе. Хочешь, чтобы над ними смеялись? Они не поблагодарят тебя за это. Хорошие манеры, приобретенные в молодости, остаются таковыми навсегда. Позволь им ехать.

– Договорились, – сдалась Жасмин, – тем более что Аршамбо совсем близко.

– Вот именно, – промурлыкала Скай, – и я все время буду с ними. Мне так хочется подольше погостить в семье Адама! Вряд ли я когда-нибудь еще их увижу. Ах, что за чудесные были времена, когда мы с твоим дедом наслаждались молодостью и любовью!

Она шумно вздохнула, прижав руку к сердцу.

– Не переигрывайте, мадам, – прошептал ей на ухо граф.

Скай постаралась не выдать удивления.

Ну и ну! Он гораздо умнее, чем она считала! Да, она правильно поступает, увозя детей и оставляя этих упрямцев наедине! Позже, но не сейчас, она скажет о своем намерении ехать в Париж.

– Ну хорошо, – сдалась Жасмин, – только не сразу. По крайней мере неделя уйдет на то, чтобы дать им необходимые наставления и привести в порядок одежду.

– Я согласен с вами, мадам, – улыбнулся Джеймс Лесли.

– Вы? – поразилась Жасмин.

– Но не можем же мы вечно спорить, – весело прищурился граф.

– Наверное, – недоуменно кивнула Жасмин.

Только через десять дней детей собрали в Аршамбо. Слуги с утра до вечера стирали, штопали, трясли одежду, пока, по словам хозяйки, не удалили с сукна весь ворс. Маленькие сундучки были аккуратно уложены, няням каждый день отдавали все новые приказы относительно того, что делать в том или ином случае.

Наконец Скай, не выдержав, раздраженно прикрикнула на внучку:

– Я вырастила семерых детей, дорогая моя, и уж, конечно, знаю, как воспитывать внуков. Завтра мы уезжаем, и я ничего не желаю больше слышать!

Граф Гленкирк подавил улыбку. Жасмин казалась растерянной и встревоженной. Она, разумеется, хорошая мать, но просто одержима своими отпрысками! Граф ни на секунду не сомневался, что поездка в Аршамбо придумана мадам Скай. Она обещала помочь Джеймсу, но он все еще не доверял ей, особенно после побега Жасмин. Впрочем, его опасения, по всей видимости, беспочвенны. Пожилая дама увозит детей, чтобы дать возможность Джеймсу побыть с Жасмин. Более того, он подозревал, что дети уже не вернуться в Бель-Флёр.

Джеймс усмехнулся и покачал головой. Что за неукротимая особа! Какой пыл! Но он рад, что мадам Скай стала его союзницей.

Утром, обнимая Жасмин за плечи, он провожал Скай с детьми в Аршамбо. Дождь перестал, и день выдался солнечным и теплым. Стоял конец февраля, и в воздухе явственно пахло весной. Жасмин всхлипнула, и граф тихо шепнул:

– Не плачьте, мадам, вы расстраиваете малышей. Они так радуются этому путешествию. Не надо портить им поездку.

– Я никогда не разлучалась с ними, – ответила она, безуспешно пытаясь сбросить его руку.

– Полюбуйтесь, как прекрасно смотрятся Генри, Индия и Фортейн на своих пони! Они чудесно держатся в седле. Это вы учили их, мадам?

– Да. Как когда-то мой отец – меня, с раннего детства. В Индии женщины не ездят верхом, но мама часто выезжала с отцом, и он решил брать и меня. Какой безграничной свободой пользовалась я тогда! Охотилась на тигров и других зверей с отцом и братом Селимом. Моим сестрам никогда не позволялось ничего подобного, да им и в голову это не приходило!

Она помахала вслед запряженной пони колясочке, увозившей Чарлза Фредерика с его нянюшкой. Граф осторожно повел ее к замку.

– Сколько у вас сестер, мадам? – поинтересовался он. – У меня пять сестер и три брата. Два брата и три сестры живут в Шотландии, остальные – в Италии.

– Я самая младшая у отца, и когда родилась, остальные дети были уже взрослыми. У меня три брата, два из которых уже скончались, и три сестры.

– Почему вы покинули Индию? – без обиняков спросил Джеймс.

– Старший брат, Селим, ставший после смерти отца Великим Моголом, воспылил ко мне страстью. Он велел убить моего первого мужа, кашмирского принца, чтобы без помех заполучить меня. Отец был смертельно болен и понимал, что моя приемная мать не сумеет защитить меня, когда его не станет, поэтому тайно отослал меня в Англию, к бабушке, которую много лет не терял из виду. Перед отъездом стало ясно, что священник, бывший все эти годы моим наставником, доводится мне кузеном. Бабушка отправила его в Индию присматривать за мной, с тем чтобы немедленно увезти в случае опасности. Слава Богу, что она оказалась столь предусмотрительна!

– И брат так и не узнал, где вы скрываетесь? – удивился Джеймс.

– Вряд ли! Отец изобрел весьма хитроумный план. Селим считал, что я отправилась в Кашмир, захоронить сердце Ямала на его родине. Отец умер два месяца спустя после моего отъезда. Даже если Селим послал за мной в мой горный дворец, настала поздняя осень, и снег помешал пробраться через перевал. Скорее всего он обнаружил, что меня нет в Кашмире, не раньше следующей весны, а к тому времени я уже была в безопасности. Селим почти ничего не знал о моей матери – англичанке и не мог продолжать поиски.

– Вы никогда не хотели вернуться?

– Нет, – немного подумав, ответила Жасмин. – Моя жизнь в Индии была так тесно связана с отцом и братом – я тогда была слишком наивна, чтобы распознать его желания, – и с первым мужем, Ямал-ханом. Но что теперь? Отца и Ямал-хана больше нет. Брат, надеюсь, давно забыл меня. Я тоскую только по Ругайе Бегум, женщине, вырастившей меня, свою единственную приемную дочь. На старости лет она лишена радости видеть внуков. И именно поэтому я никогда не прощу своего братца Селима.

Джеймс увидел в глазах женщины неизбежную боль и почему-то страстно захотел разделить ее тревоги.

– Давайте попросим повариху собрать нам еду и отправимся на прогулку верхом, мадам. День чудесный, и вы, конечно, знаете немало красивых мест в округе.

Жасмин насторожила его просьба, но погода эти два месяца была такой унылой и пасмурной! Они почти не выходили из дома. Теперь же, без детей, она может вновь наслаждаться радостями жизни. Правда, легкие угрызения совести все же донимали Жасмин, но она постаралась заглушить их и кивнула.

– Я согласна, милорд! Прекрасный день для пикника!

Кухарка, считавшая лорда Лесли знатным и благородным джентльменом, уложила в корзину только что зажаренного цыпленка, свежееиспеченный хлеб, глиняное блюдо с холодной, маринованной в вине спаржей, две груши, которые добрая женщина натерла до блеска

фартуком, и мех золотистого вина из Аршамбо. Граф взял корзинку и почтительно поцеловал толстухе пальцы, отчего та вмиг зарделась. Кухарка долго смотрела вслед Джеймсу, не смея опустить руку.

Жасмин уже ждала его в зале. К его удивлению, она переделалась в мужские штаны, батистовую рубашку и подбитый мехом камзол из оленьей кожи с резными пуговицами из рога и серебра. Джеймс Лесли поднял брови. На какое-то мгновение ему показалось, что все это уже было. Да... верно, его мать когда-то одевалась точно так же.

– Вы ездите по-мужски, – наконец выговорил он.

– Могу сесть и в дамское седло, если понадобится, – ответила Жасмин, – но предпочитаю мужское. Представляете ли вы, каково это – устроиться на резвой лошади боком, в длинных юбках, и при этом не упасть? Поверьте, это ужасно неудобно и, более того, неестественно! Надеюсь, вы не возражаете?

– Нисколько, – поспешно сказал Джеймс, от которого не укрылся подозрительный блеск ее глаз, – я полностью согласен с вами.

Жасмин кивнула и быстро отвернулась, скрывая веселую улыбку.

– Ну что ж, едем! Благо, что у вас свой конь, ведь я привезла из Англии только упряжных лошадей. Граф де Шер прислал мне из конюшен в Аршамбо смирную вороную кобылку. Конечно, лошадка неплохая, но скакать на ней скучновато. Знай я, что останусь так надолго во Франции, привезла бы своего жеребца.

– Хорошо, что вы этого не сделали. Мой скакун не терпит соперников.

– В таком случае придется строить отдельные конюшни для каждого из нас, – усмехнулась Жасмин. – Я не откажусь от своего коня.

– Мы еще успеем обсудить все детали, мадам.

Жасмин обернулась и посмотрела на графа.

– Увольте, милорд, – твердо заявила она и направилась во двор, где уже ждали взнузданные лошади.

Джеймса Лесли разбирал смех, но он мудро воздержался от проявления столь неуместного веселья. Граф не знал, как себя вести с прелестной женщиной, своей будущей женой, но старался держать эти мысли при себе. У леди Линдли, несомненно, сильная воля, и обращаться с ней нужно крайне осторожно.

Он вскочил в седло и, привязав корзинку к луке, взглянул на Жасмин.

– Вперед, мадам!

Она пустила лошадь по вьющейся через сад усыпанной гравием дорожке. Граф не мог не заметить, что повсюду царит порядок: цветочные клумбы аккуратно укутаны соломой, розовые кусты подстрижены. В фонтане весело звенела струйка воды. Впереди раскинулся пруд, заросший кувшинками. Нетрудно представить, как чудесно здесь будет весной и летом! С одной стороны сад граничил с лесом. В каменной ограде чернела калитка. Свесившись с седла, Жасмин открыла ее.

– Прикройте калитку за собой, милорд, – велела она.

Выполнив просьбу Жасмин, граф последовал за ней по узкой, едва различимой лесной тропе. Оглянувшись, он не увидел замка. Где-то послышалось журчание, и вскоре лошади уже медленно перешли неглубокий ручей. Среди деревьев мелькнул олень. Лес неожиданно кончился, и они оказались на поросшем травой склоне холма. Перед ними расстились виноградники, а вдали на другом холме возвышался великолепный замок.

– Это Аршамбо, – пояснила Жасмин. – Моя прапрабабка была когда-то графиней де Шер. Ее муж, однако, не был моим прадедом, отцом Адама. Дедушка рожден от ее первого мужа, Джона де Мариско, повелителя острова Ланди. А знаете, дед когда-то был настоящим пиратом. – Жасмин лукаво рассмеялась. – Старая королева даже посадила бабушку в Тауэр, поскольку была уверена, что та с ним заодно. Моя тетя Дейдра родилась в тюрьме.

– Интересно, – так же весело подхватил граф, – известна ли королю правда о вашем происхождении? Бедный Яков наверняка был бы шокирован!

– И возможно, не захотел бы, чтобы вы на мне женились, – кокетливо шепнула Жасмин.

– Увы, мадам, будь вы даже одноглазой, беззубой и хромой, король благословил бы наш союз, поскольку вы мать его первого внука.

– Значит, вам повезло, что я не кривая и беззубая, – сухо заметила Жасмин, но тут же коварно рассмеялась: – А вы обвенчались бы со мной, милорд, будь я старой и уродливой, как смертный грех?

– Да, мадам, ибо моя преданность королю безгранична, – заявил Джеймс. – Лесли из Гленкирка всегда были верны Стюартам.

– А если король ошибается? – поддразнила Жасмин.

– Стюарты *никогда* не ошибаются, мадам.

– Привилегия помазанника Божьего? – язвительно фыркнула она.

– Совершенно верно. Позволил бы кому-либо ваш отец оспаривать его решения?

– Как император – никогда, но как обычный человек отец отличался ненасытным любопытством и всегда был готов учиться у других. Именно поэтому он сумел объединить страну и сохранить ее целостность. Он даже признавал право человека исповедовать любую религию. Какое счастье, что он воспитывал меня сам, потому что на остальных детей у него просто не хватало времени. Когда родилась я, он был уже немолод и часто отдыхал от государственных дел. Не многим дочерям так повезло.

Жасмин остановила кобылку и оглядела безлюдный виноградник.

– Может, остановимся и поедем, сэр? Солнце уже высоко, и здесь так тихо.

Граф спешился, снял с седла Жасмин и, пока та расстилала на сухой траве кусок полотна, отвязал корзинку, вынул из-за пояса нож и нарезал хлеб, сыр и цыпленка. На самом дне нашлись два маленьких серебряных кубка, и Жасмин осторожно налила в них легкое французское вино.

Они медленно жевали, наслаждаясь трапезой, но разговор никак не завязывался. Жасмин продолжала обозревать виноградники и дальний холм. Джеймс следовал ее примеру, то и дело бросая взгляд на свою спутницу. Боже, она еще красивее, чем два года назад! Но сумеют ли они стать хотя бы друзьями? Ему не хотелось бы коротать свои дни со злобной фурией. Когда-то он безумно желал Жасмин и не сомневался, что она может вновь пробудить в нем страсть. Но этого было недостаточно. Джеймсу нужно большее, и он готов был прозакладывать голову, что и ей тоже. Но что теперь делать? Как найти то, что казалось утерянным навеки?

– Чего вы хотите? – внезапно вырвалось у него.

Жасмин удивленно подняла брови.

– Не понимаю, милорд, что вы имеете в виду. У меня есть все, и уж, конечно, многие позавидовали бы моей судьбе.

– Нет, Жасмин, – покачал головой Лесли, – я говорю не о ваших владениях и состоянии. Знаю, вы очень богаты, но есть на свете и другие вещи, кроме земных благ. Чего вы ждете от жизни? Власти, развлечений, новых богатств или любви? Чего вам недостает?

– Вот оно что! – выдохнула Жасмин. Бирюзовые глаза зажглись почти неземным светом. – Любовь? Я не задумывалась, смогу ли когда-нибудь полюбить вновь. Всех моих мужчин настигает жестокая и преждевременная смерть. Ямал и Рован были предательски убиты во цвете лет, и именно я стала причиной их гибели. Ямала уничтожили, потому что Селим питал ко мне греховную страсть, а Рован закрыл меня собой, когда назначенный королем управляющий имением пытался застрелить меня из мушкета. А мой бедный Хэл... – Жасмин вздохнула. – Генри Стюарт не должен был умереть так рано.

– Но вашей вины здесь нет, – напомнил граф.

– Тем не менее он тоже поплатился за любовь ко мне.

– Если вы полюбите меня, то никакая смерть не страшна, – упрямо покачал головой Джеймс Лесли.

Жасмин вдруг улыбнулась, и сердце Джеймса невольно подпрыгнуло.

– Вы пытаетесь выяснить, что между нами общего и как мы станем жить дальше, милорд? – Дождавшись его кивка, она продолжала: – Скажите, сэр, вы любили свою покойную жену, Изабеллу Гордон? Она была красива? Вы смеялись и плакали вместе? Ей удалось сделать вас счастливым?

– Белла была очень хорошенькой, – немного помолчав, признался Джеймс. – С длинными темными волосами, не такими иссиня-черными, как у вас, скорее темно-каштановыми. Мы были обручены с колыбели и прекрасно знали друг друга. Пожалуй, я относился к ней, как к своим сестрам. Потом мой отец отправился на покорение Нового Света и не вернулся. Король объявил его мертвым, и я стал графом Гленкирком. Яков Стюарт настаивал на том, чтобы я немедленно женился и имел наследников от Беллы, дабы не прервался наш род. Но, говоря по правде, король просто хотел сделать мою мать своей любовницей. Вынудив меня занять положение главы семейства, он тем самым сделал присутствие моей матери в Гленкирке необязательным. Поэтому и приказал ей явиться ко двору.

Глава 5

Погода снова переменилась, и весенние дожди омыли землю. Джеймс и Жасмин почти не выходили из замка, играли в карты, шахматы и разговаривали. Жасмин не раз думала, как мудро поступила бабушка, оставив их одних. На десятый день после отъезда детей и Скай граф предложил проехаться в Аршамбо, если, конечно, не будет дождя, навестить родных Жасмин и проведать ребятишек. Жасмин так и вспыхнула.

– Что с вами? – удивился Джеймс.

– Поверите, – смущенно призналась она, – я совсем забыла о детях. Мы так прекрасно проводили время вдвоем, Джемми, что я привыкла к праздности.

– Вы лучшая из матерей, – заверил Джеймс. – Никто не осудит вас за то, что вы решили немного отдохнуть. Вернувшись домой, мы будем как можно реже бывать при дворе и подольше оставаться в кругу семьи.

– Мы будем жить в Шотландии? – спросила Жасмин. – Моей матери там нравится, но она всегда приезжает на лето в Англию. Гленкирк красив, Джемми?

– Очень, но мы станем проводить там только осень и зиму. Осень – лучшее время года в Шотландии. Летом мы будем приезжать в Королевский Молверн, а Генри должен жить в Гэдби. Весной, чтобы не обидеть Якова, мы отправимся ко двору. Много лет я по приказу короля ведал торговлей Англии с чужеземными странами, но после нашей свадьбы хочу оставить этот пост. Семья Лесли довольно давно занимается торговлей, а наши банкиры – знаменитое семейство Кира. Не знаю, захочет ли ваша бабушка объединить торговую компанию «О’Малли-Смолл» с моей, но думаю, что прибыль от этого лишь удвоится. Но это мы обсудим с ней позже.

– Прекрасно. Смею надеяться, что мы не задержимся при дворе.

– Только в случае крайней необходимости, – сказал Джеймс. – Надо подумать и о детях. Чарли – герцог, а Генри – маркиз. Девочки когда-нибудь станут самыми завидными невестами Англии.

Он поцеловал ее ладонь и внутреннюю сторону запястья.

– Не забывайте и о наших малышах, дорогая Жасмин. Может быть, еще один граф и братик с сестричкой? – лукаво улыбнулся он, чуть покусывая кончики ее пальцев.

Жасмин залилась краской. Конечно, у них будут дети, но до этой минуты она не думала о них всерьез. Сколько времени прошло с тех пор, когда она в последний раз лежала с мужчиной? Чарли два с половиной года, и уже за несколько месяцев до его рождения она не спала с Генри. Почти три года! Она привыкла к жизни без мужчин! *Без мужчин в ее постели!* И скорее всего давно позабыла любовные игры!

В камине потрескивали дрова, языки пламени бросали на стены причудливые тени, а дождь выбивал легкую дробь на ставнях.

Джеймс Лесли заметил, как смутилась Жасмин, и понял, что долгожданная возможность наконец-то представилась. Но, к его удивлению, Жасмин отняла руку и, тяжело вздохнув, выбежала из зала. Значит, она тоже это почувствовала, не притворяется и не кокетничает. Пусть Жасмин зрелая женщина, однако почему-то смущается и стесняется Джеймса, что поистине поразительно – ведь он помнил, какую страстную любовницу обрел однажды ночью несколько лет назад.

Джеймс решил последовать за ней, но тотчас передумал. Может, Жасмин завела себе любовника-француза? Нет, она не из таких! Ее единственным возлюбленным был принц Генри Стюарт, и никто, кроме него и двух мужей, не делил с ней постель. И тут наконец его озарило. Ну конечно! Так оно и есть! После смерти принца в ее жизни не было мужчин!

Джеймс тихо рассмеялся. Жасмин, так стремившаяся во всем взять верх, боится мужских ласк! Искушение немедленно пойти к ней и утешить было весьма велико, но Джеймс пересилил себя. Придется ухаживать за ней, как ни за одной женщиной! Изабелла не в счет – они были помолвлены с детства, и оба знали, что рано или поздно поженятся. И с тех пор он так и не встретил женщину, которую хотел бы видеть своей женой. Кроме Жасмин.

Нужно действовать очень осторожно, чтобы завоевать доверие Жасмин, отыскать дорогу в ее сердце и постель. Что может принести ей радость? Она ни в чем не нуждается.

Джеймс Лесли неожиданно сообразил, что не представляет, как ухаживать за женщиной, у которой есть все. Будь она простой девушкой, он засыпал бы ее драгоценностями и нарядами. Детей Жасмин он любит, и ей прекрасно это известно. Остается одно – просить совета у мадам Скай.

Лесли громко расхохотался. Идти на поклон к этой хитрой и проницательной старухе? Но иного выхода нет. Она знает Жасмин лучше всех, и если то, что о ней говорят, – правда, свет еще не видывал женщины умнее и опытнее.

Джеймс наполнил большой кубок красным вином и уселся перед камином, медленно прихлебывая рубиновый нектар. Завтра они отправятся в Аршамбо, и Жасмин проведет все время с детьми, а он сможет побеседовать с мадам Скай наедине и узнать, как завоевать ее внучку.

Утром Жасмин вела себя так, словно накануне не случилось ничего необычного. Она вышла к столу, уже одетая в костюм для верховой езды – зеленые шерстяные штаны, высокие сапожки, батистовая сорочка и дублет⁵ из оленьей кожи. Жасмин с аппетитом ела, и это радовало и забавляло Джеймса. Ему не нравились женщины, которые на людях едва притрагивались к еде и изящно вертели в руках ложечку, вместо того чтобы наслаждаться прекрасно приготовленными блюдами. И в этом отношении Жасмин очень походила на его мать.

Она никогда не пила вина по утрам. Служанки принесли ей маленькую круглую чашу без ручки и налили туда душистый горячий напиток.

– Что вы пьете, Жасмин? – полюбопытствовал Джеймс.

– Это называется чай. Не хотите попробовать? Адали, принеси еще одну пиалу для графа. Мы завариваем листья чайного куста горячей водой. Конечно, сначала их приходится сушить. Я привыкла к чаю в Индии. Моя мать и тетки часто кладут в него кардамон или гвоздику для вкуса и аромата.

Управитель Жасмин поставил перед Джеймсом пиалу.

– Это черный чай, милорд. В Китае выращивают и зеленый.

– Индийский чай – лучший в мире, – заметила Жасмин. – Попробуйте, Джемми.

Джеймс пригубил, нашел напиток весьма приятным, но не таким пьянящим, как вино, эль или сидр.

– Я подумываю предложить бабушке ввозить чай в Англию, – сообщила Жасмин. – Голландцы вот уже лет шесть этим занимаются, хотя не знают, как продавать его, и не получают больших прибылей.

– Голландцы – превосходные торговцы, – удивился Джеймс.

– Верно, но все же не умеют торговать чаем. Это не пряности и не ткани, которые легко всучить любой хозяйке на рынке. Чай – привилегия богатых и знатных. Только когда они полюбят его и сделают напитком избранных, остальные последуют их примеру.

Джеймса удивила ее проницательность. Он всегда думал, что Жасмин, как многие женщины, наделена обычным здравомыслием, и лишь сейчас понял, как ошибался.

---

⁵ Род камзола.

– Скорее всего вы правы, Жасмин. Богатые введут чай в моду, а простой народ будет стремиться им подражать.

Жасмин поднялась из-за стола.

– Мы поговорим об этом с бабушкой. Поехали, Джемми, время не ждет. Я не видела своих крошек почти две недели, и мне не терпится вновь обнять их.

Они направились прямо в Аршамбо и уже через полчаса оказались во дворе замка. Жасмин мгновенно соскочила на землю и бросилась к детям, ожидавшим ее на ступеньках крыльца. Наверху стояла мадам Скай с представительным господином, судя по всему, самим графом де Шером. Александр де Савилль пожал Джеймсу руку и пригласил в дом. Граф Лесли расцеловал мадам Скай в обе щеки.

– Итак, Джеймс Лесли, – произнесла почтенная леди, взяв его под руку, – вы покорили мою внучку?

– По крайней мере мы договорились обвенчаться пятнадцатого июня, – сообщил граф.

– Прекрасно! Я рада, что вам удалось образумить Жасмин.

Они вошли в элегантную гостиную, и Джеймс заметил, что остальные тактично оставили их наедине.

– Мне необходим ваш совет, мадам, – начал он, – но для этого я должен переговорить с вами конфиденциально.

Скай подняла тонкую бровь.

– Вы просите у меня совета? Как интересно! Значит, сэръ, вы все-таки поняли, что я вам не враг?

– Я считаю вас коварной, способной на все, весьма изобретательной и хитрой, но все же я не могу без вас обойтись. И даю слово, не верю, что мы вообще когда-либо были врагами!

Они устроились на маленьком диванчике, и Джеймс взял ее руку в свою.

– Мне кажется, Жасмин стала стесняться того, что происходит между женщиной и женщиной в постели. Когда дело доходит до определенных моментов, она сгорает со стыда. Но, насколько я знаю, холодность не в ее природе.

– Хмм, – задумчиво протянула Скай.

– Я искал других причин ее нерешительности, но вижу только одну – она не знала мужчины со дня смерти принца. По-моему, это ее тревожит.

– Гром и молния! – воскликнула Скай. – Да что это с девочкой? Вы красивы, хорошо сложены, когда-то делили с ней постель, и вряд ли она находит вас неприятным.

– Нас вынуждают исполнить свой долг, – ответил граф. – Думаю, мне необходимо завоевать ее, мадам Скай, но как ухаживать за женщиной, у которой есть все? Что я могу сделать или подарить ей? Чего она не слышала или не имела? Мы с моей первой женой были обручены с колыбели и привыкли друг к другу. Брак был решен между нашими семьями, как полагается в Шотландии.

Скай кивнула. Да, эту досадную неприятность надо уладить как можно быстрее. Неужели Жасмин ведет себя, как наивная девственница, воспитанная в монастырских стенах? И это четырежды рожавшая женщина! Невероятно!

– Я поговорю с внучкой, – наконец пообещала она.

– Нет, мадам, умоляю, не нужно. Она умрет от стыда, узнав, что мне известен ее секрет. Только объясните, как угодить ей, чтобы она перестала стесняться!

– Дьявол! – громко выругалась Скай. – На что годятся нынешние молодые люди?! В мое время мужчины были дерзки и смелы! Умели оболгать женщин и брать, не спрашивая разрешения! Ни одна из моих дочерей на меня не похожа, а вот Жасмин моя точная копия! Вы достигнете цели, отважно бросившись на приступ! Нерешительность и робость ни к чему не приведут!

– Но, мадам Скай, – попытался перебить Джеймс.

– Никаких «но» там, где речь идет о любви, Джеймс Лесли! – наставительно заметила пожилая дама. – Знаете, что дед Жасмин соблазнил меня при первой же встрече? Как и моя девочка, я скорбела о потере мужа, но Адам хотел меня и взял.

При воспоминании о тех драгоценных минутах ее взгляд на мгновение смягчился.

– Мне следовало бы сразу уразуметь, что Адам послан мне Богом, но я пережила двух мужей, прежде чем он понял: единственный путь к моему сердцу – смелость и бесстрашие. Судьба была к нам милостива, и в те дни время словно остановилось.

Немного помолчав, Скай тяжело вздохнула:

– Воспользуйтесь подходящим моментом, черт возьми! Покажите моей внучке, что такое настоящая страсть! И не слушайте протестов и возражений! – Лукаво усмехнувшись, она добавила: – Я завидую девочке, милорд, клянусь, просто завидую.

Джеймс поцеловал руку старой женщине.

– Спасибо, – тихо произнес он.

Скай кивнула, но голубые глаза весело заискрились.

– Думаю, что вам с Жасмин следует подольше побыть наедине. Вы не станете возражать, если я покажу детям Париж, а оттуда отправлюсь в Королевский Молверн, где мы и будем вас ожидать? Уже середина марта, и мне надо готовиться к свадьбе и уведомить семью. Я не могу дольше задерживаться во Франции. Дети будут отвлекать мать, так что лучше, если они уедут вместе со мной.

– По-видимому, я должен согласиться, мадам, – ответил граф, едва сдерживая смехок. Он так и знал, что мадам Скай не позволит детям Жасмин вернуться в Бель-Флёр, но не представлял, как она добьется своего. Тактика пожилой дамы была воистину блестящей!

– Я найму людей графа, чтобы проводить вас сначала в Париж, а потом на побережье. Дороги небезопасны – вот-вот разразится война.

– Да, это мудрое решение. Александр будет более чем счастлив дать нам охрану.

Двери гостиной распахнулись, и в комнате появилась взволнованная Жасмин.

– О чем это толкует Генри, мадам? Вы увозите детей в Париж? Я не допущу этого!

– Дорогая, не будь глупенькой! – покачала головой бабушка. – Да, мы через несколько дней отправляемся в Париж, а оттуда в Англию, где начнем готовиться к вашему венчанию. Ну а пока у вас с лордом Лесли будет больше времени уладить все разногласия и познакомиться поближе. По-моему, ты должна быть мне благодарна за то, что я, пусть и временно, избавила тебя от многочисленных обязанностей и трудностей.

– И вы согласны с бабушкой? – выпалила Жасмин, уничтожающе глядя на графа.

Джеймс решил было умаслить строптивицу, но вовремя вспомнил слова мадам Скай.

– Да, дорогая. Конечно, я веду себя эгоистично, но так хочется еще немного побыть только с вами, вдвоем!

– Вот как?

Щеки Жасмин слегка порозовели.

– Вы знаете, я обожаю ваших отпрысков, Жасмин, но женюсь не на них, а на вас, – пробормотал он, страстно целуя ее руку. – Ради этих минут наедине с вами я готов на все, дорогая Жасмин!

И я овладею тобой!

Казалось, эта невысказанная фраза была услышана присутствующими.

– Значит, – вмешалась Скай, – все решено. Ну а теперь иди к детям и проведи этот день с ними, девочка моя. Я немного задержу твоего нареченного, чтобы обсудить детали свадебной церемонии.

Ошеломленная, Жасмин молча вышла.

– Какие детали? – удивился Джеймс.

– Я солгала, – хмыкнула Скай. – Просто хотела, чтобы Жасмин все хорошенько обдумала. Прекрасно, милорд! Вы вели себя властно, но как любящий жених. Продолжайте в этом духе и достигнете цели.

Немного погодя, Джеймс присоединился к Жасмин и детям. Они были рады видеть его и побежали навстречу с криками:

– Папа! Папа!

Малыши были здоровы и, очевидно, превосходно проводили время с кузинами де Савилль.

– Мы скоро возвращаемся в Англию, – сообщил Генри.

– Знаю, – ответил граф, – мы с вашей матерью приедем позже и поженимся в Королевском Молверне пятнадцатого июня. Станешь моим свидетелем, Генри?

Маленький маркиз Уэстли энергично кивнул:

– Да, папа, с удовольствием! – Но тут же, став серьезным, спросил: – Не возражаете, что мы называем вас отцом? Конечно, вы еще не обвенчаны с нашей мамой, но...

– Я рад, что могу заменить вам отца, – откликнулся Джеймс.

– А вы научите меня фехтовать? – попросил Генри.

– Обязательно, и этим же летом, – пообещал граф.

День пролетел незаметно. Они были приглашены к обеду. За столом собрались граф де Шер, его жена Элен, наследник графа Филипп с женой Мари-Клер и две дочери Александра де Савилля, Габи и Антуанетта со своими семьями.

– Мы дружны с вашими кузинами, Лесли де Пейраками, – сказала Габи. – Кажется, наши семейства скоро породнятся.

– Пусть брак будет счастливым, – вежливо пожелал Джеймс. – Дядя моей матери, к сожалению, давно скончался, и я не очень жалею его вдову, старуху Адель. Но до сих пор ее слово остается законом для моих французских родственников.

– Да, я прекрасно знаю старую ведьму, – кивнула Габи. – Одна из ее правнучек выходит замуж за моего среднего сына. Они будут жить с нами, а не в Шато-Пти.

Присутствующие оживленно обменивались последними сплетнями, новостями и расспрашивали, когда состоится свадьба Жасмин и Джеймса. Де Савилли жалели, что церемония не будет отпразднована в Бель-Флёр, однако желали обрученным счастья. Но вот задержать более отъезд стало невозможно. Жасмин чуть не плакала.

– Не расстраивайте детей, сердечко мое, – тихо попросил граф.

– Вы вечно запрещаете мне плакать, – вскинулась Жасмин, но печаль куда-то улетучилась.

– Сообщите, когда вы намереваетесь приехать, – весело потребовала Скай. – Как будет хорошо, когда мы вновь соберемся дома! Не забудь, Жасмин, твоя мать и братья придут первого мая. Наконец Велвет увидит внуков!

– Мне почему-то все время кажется, что вы с Джемми обвели меня вокруг пальца, – мрачно пробормотала Жасмин.

– О, дорогая, как ты можешь! – запротестовала Скай. – Я делаю тебе большое одолжение. Если ты считаешь, что женщине моих лет, да еще в глубоком трауре так легко путешествовать с детьми, то оставь их в Бель-Флёр и привези сама!

– Да ты сознания лишишься, вздумай я согласиться на такое, – поддразнила Жасмин. – Нет, я ценю твою доброту, но все же буду невыносимо скучать по ним.

Она нежно обняла бабушку.

– Поезжай-ка домой, моя хитрая лисичка, – посоветовала та. – Увидимся в Англии, и не тани с возвращением, хотя, глядя на этого великолепного мужчину, который станет твоим мужем, я не буду осуждать тебя за то, что ты отведаешь прелестей медового месяца еще до свадьбы. Весна идет, Жасмин, а вместе с ней – жажда счастья и надежда на любовь!

Жасмин и граф, смеясь, уселись на коней и отправились в Бель-Флёр.

– Представляете, какова она была в юности? – фыркнула Жасмин.

– Боюсь и вообразить, – усмехнулся граф, – сама мысль приводит меня в страх. Кстати, мадам, как насчет вечерней партии в шахматы?

– Сначала я приму ванну. Вы не устали постоянно проигрывать, Джемми?

Она лукаво улыбнулась и пустила лошадь в галоп, предоставив графу ее догонять. На этот раз, однако, он не остановился, пока они не оказались во внутреннем дворе замка, и при этом умудрился обогнать ее на несколько корпусов.

– Ноги вашего жеребца куда длиннее, чем у моей кобылки, – мило надув губки, пожаловалась Жасмин. – Скорее бы сесть на моего скакуна! Уж тогда мы будем на равных!

– Мы и сейчас на равных, – возразил он, снимая ее с седла и невыразимо чувственно целуя.

– Тебе не нужно ждать возвращения в Англию, чтобы почувствовать под собой неукротимого скакуна, – тихо шепнул Джеймс, прикусив мочку ее уха. Огромные ладони крепко сжимали осиную талию. Боже, кажется, она не в силах дышать, нет... может, но едва-едва...

Его руки прожигали насквозь мягкую кожу дублета, батист рубашки, а когда он зарылся лицом в волосы Жасмин, у нее все поплыло перед глазами.

– По-моему, ты слишком торопишься, Джемми, – пробормотала она.

– Нет, это ты слишком мешкаешь, Жасмин, – засмеялся он. – Мы давно уже не дети и знаем, чего хотим.

Медленная улыбка осветила лицо Джемми, в уголках зеленых глаз собрались морщинки.

– Давай поспорим, кто выйдет победителем в сегодняшней партии? Согласна?

Жасмин молча кивнула.

– Что вы предлагаете, сэр?

Женщину охватил безоглядный порыв остаться перед ним обнаженной, но она постаралась выбросить из головы соблазнительные картины, терзавшие воображение.

– Если я выиграю, мы проведем эту ночь вместе, дорогая Жасмин, – тихо пообещал граф, не отрывая от нее глаз.

– А если проиграете?

– Просите, чего пожелаете.

– Вы не станете делить со мной постель до свадьбы, – неожиданно для себя выпалила она.

«Зачем я это сказала? – гадала про себя Жасмин, мучаясь острым чувством потери, когда он мгновенно отнял руки. – Я действительно хочу этого? Собираюсь отталкивать его до самого июня?»

Но было уже поздно что-то менять.

– Договорились, мадам, – хмыкнул граф, уводя ее в замок. – Не могу дождаться, когда настанет вечер... а потом и ночь.

– Вы очень самоуверенны, Джемми, – резко бросила она. Опять он делает все, чтобы вывести ее из себя!

– Я не собираюсь проигрывать сегодня, Жасмин. Награда слишком соблазнительна и заманчива!

Жасмин вырвалась и, взлетев по лестнице, велела служанкам приготовить ванну. Рохана и Торамалли поспешили выполнить ее приказание.

– Вы чем-то встревожены, – заметил Адали. – Что расстроило вас, госпожа?

– Я согласилась сыграть в шахматы с лордом Лесли, и мы заключили пари, чтобы придать игре больше интереса. Кажется, я совершила глупость, Адали, поскольку не уверена, хочу ли выиграть.

Евнух ухмыльнулся, помогая ей раздеться.

– Вот оно что! – воскликнул он, разразившись смехом. – Ах, принцесса, давным-давно, когда ваш отец добивался любви вашей матушки, он тоже затеял игру в шахматы. Это было в королевской столице Фатхпур-Сикри. Ваши родители стояли на балконе, а двор внизу был расчерчен на черно-белые мраморные клетки. Фигурами служили обнаженные рабы, и только короли и королевы были великолепно одеты и сверкали украшениями.

– И моя мать выиграла? – спросила Жасмин.

– Нет, – покачал головой Адали. – Однако они заключали пари на поцелуй. Только несколько ночей спустя ваш отец достиг цели, и то с помощью постельной книги, которую Джодх Бай дала вашей матушке.

Теперь настала очередь Жасмин усмехнуться.

– Что ж, история повторяется, Адали!

– Уверены, что хотите лечь с ним сегодня, моя принцесса? Для меня не секрет, что вы долго не решались принять этого мужчину.

– Я должна выйти за него замуж, Адали, и теперь неожиданно поняла, что он мне нравится. Джеймс любит детей, а они – его. Он даст мне новых сыновей. День венчания назначен, и я не хочу откладывать неизбежное. Мою душу день и ночь будоражат мысли о Джеймсе Лесли. Наверное, настал конец моему воздержанию, Адали.

– Будьте очень осторожны, принцесса, – посоветовал верный слуга. – Лорд Лесли не на шутку оскорбится, если заподозрит, что вы позволили ему выиграть.

Жасмин улыбнулась.

– Мой отец был лучшим шахматистом Индии, но так и не узнал, как часто я проигрывала нарочно, чтобы не расстраивать его.

– Да, принцесса, Великий Могол остался в неведении, что ученица превзошла учителя. Вы кому угодно глаза ответите.

– Я не забыла, как это делается, – заверила Жасмин.

Адали покинул ее, чтобы расставить на шахматной доске фигуры.

Рохана и Торамалли, слышавшие разговор, старательно вымыли хозяйку. Позже, закутанная в полотенца, Жасмин в полудреме сидела у огня, пока служанки расчесывали ее длинные черные волосы надушенным гребнем. Жасмин зевнула. Столько всего случилось сегодня! Она вдруг почувствовала сильную усталость.

– Налей мне вина с пряностями, иначе я просто усну, – велела она Торамалли. – Я слишком долго принимала ванну и ослабела.

– Что вы наденете? – спросила служанка, поднося госпоже кубок.

– Обойдусь халатом, – ответила Жасмин.

Торамалли выбрала шелковый халат сливового цвета и подошла к хозяйке. Та продела руки в длинные широкие рукава, а служанка застегнула под грудью крошечную золотую застежку. Роухана связала волосы Жасмин серебряной лентой и надела ей на ноги шелковые туфельки, отделанные серебром.

Допив вино, немного освежившее ее, Жасмин велела застелить постель свежим бельем.

– Простыни, надушенные лавандой, те, что мы купили у монахинь, – наставляла она, – и пуховые одеяла.

Спустившись в холл, Жасмин застала там Джеймса и удивленно уставилась на его костюм.

– Килт?⁶ – охнула она.

---

⁶ Шотландский национальный костюм в виде юбки в складку.

– Шотландцы всегда надевают килт, когда идут в бой, а я приготовился к поединку с вами.

Его рубашка была распахнута на груди, и Жасмин заметила поросль темных завитков. Ее взгляд остановился на длинных сильных ногах, тоже поросших волосами. Колени не были костлявыми, как у большинства мужчин.

Опустив глаза, Жасмин перевела дыхание. Она ведет себя, как течная сука! Почему ей то жарко, то холодно? Что там говорила бабушка насчет весны и жажды счастья?

– Вы, милорд, как обычно, чересчур самоуверенны, – пробормотала она, пытаясь принять равнодушно-пренебрежительный вид. Однако Джеймс лишь понимающе рассмеялся.

– Я умираю от желания поцеловать эту маленькую родинку, дорогая Жасмин, – объявил он и, прежде чем она сумела увернуться, прижался губами к соблазнительной темной родинке над верхней губкой, которой наградила ее природа.

– Какая дерзость, сэра, – упрекнула она, отталкивая его. – Пора начинать игру!

Жасмин уселась на стул с вышитой спинкой у камина и жестом велела Джеймсу устроиться напротив.

– Приступайте, – предложила она. Он передвинул фигуру. И тут взгляды их встретились.

– Не слишком остроумное начало, – усмехнулась она, хотя ее ответный ход также не отличался изобретательностью. Но скоро игра завязалась по-настоящему. Жасмин осыпала противника язвительными уколами. Тон ее был снисходительным и чуть презрительным. Казалось, Жасмин призвала на помощь все свое искусство, и Джеймсу в голову не приходило, что она осторожно подводит противника к тому моменту, когда он неизбежно возьмет ее ферзя и выйдет победителем.

Наконец она сделала очередной ход, но тут же тихо выругалась и протянула руку, чтобы исправить положение. Однако Джеймс, покачав головой, остановил ее.

– Но я ошиблась, – заупрямилась Жасмин. – Отвлеклась на минуту и перепутала. Неужели вы не позволите мне взять ход обратно? Это несправедливо, Джейми!

– Вы отняли пальцы от фигуры, – спокойно возразил он.

– Но я нечаянно, – настаивала Жасмин.

– Будь вы на моем месте, неужели позволили бы переиграть? – спросил Джеймс.

Жасмин закусил губу.

Джеймс Лесли молча передвинул ферзя из белого оникса, взяв в плен ее королеву. Жасмин вскочила и попыталась убежать, но Джеймс оказался проворнее и, обвинив ее талию, привлек к себе.

– Нет, мадам, вы не уйдете, пока полной мерой не заплатите проигрыш, – прошептал он, сжимая другой рукой ее грудь. Теплое дыхание шевельнуло непокорную черную прядку, и по спине Жасмин прошел озноб.

– Я-с-мин, – медленно произнес Джеймс имя, данное ей при рождении, – как я стремился завладеть тобой вновь! Я так и не забыл ту ночь, которую мы провели вместе много лет назад.

Большой палец тербил крохотный сосок, пока он не сжался и не затвердел.

– Слуги... – задыхаясь, запротестовала Жасмин.

– Они слишком хорошо обучены твоим Адали, чтобы войти сюда без зова, – усмехнулся Джеймс и, отодвинув шахматный столик, увлек Жасмин на каминный коврик из овечьей шкуры. Его длинные пальцы ловко расстегнули золотую застежку, и тонкий шелковый халат распахнулся, обнажая ее совершенные формы. Джеймс благоговейно воззрился на Жасмин.

– Как ты сумела остаться столь юной и соблазнительной? – удивился он, осторожно лаская кончиками пальцев мягкие полушария.

– Нет. Мой живот уже не такой плоский, а груди гораздо полнее, чем в ту нашу встречу. Теперь я женщина, Джемми Лесли.

– А по мне ты самое прекрасное создание на земле, – заверил он, целуя ее груди. – Не могу оторваться от этих сладких холмиков.

– О, наши силы неравны – ты еще одет! – заявила Жасмин, развязывая его сорочку. – Что шотландцы носят под килтами, Джемми Лесли? – усмехнулась она.

Джеймс с улыбкой встал, расстегивая килт, так что юбка упала к его ногам.

– Только символ мужества, мадам, – заявил он, переступая через сброшенную одежду.

– Немедленно снимай чулки, – велела Жасмин. – Я не желаю отдаваться мужчине в чулках!

Говоря это, она успела сбросить туфельки. Джеймс, покачивая головой, выполнил требование Жасмин и растянулся рядом с ней на овечьей шкуре.

– Помнишь тот, первый раз? – спросил он.

Легкая улыбка тронула губы Жасмин.

– Да. Мы соблазнили друг друга после празднества в честь Двенадцатой ночи, которое устраивал дядя, а Сибби застала нас и подняла такой переполох! Отчим хотел поскорее выдать меня замуж, чтобы спасти мою репутацию. Бедный Алек оказался между двух девушек-соперниц! Одна отчаянно хотела тебя или считала, что хочет.

– А другая отказалась выйти за меня замуж, заявив, что не позволит себя силой тащить под венец. Но прошли годы, и ты рядом с тем, кого отвергла когда-то. Тогда я влюбился в тебя. Ты знала об этом?

– Нет, даже не подозревала.

Джеймс нежно поцеловал ее.

– А я влюбился, как мальчишка, дорогая Жасмин, но когда нашел в себе мужество отправиться к твоему деду, ты уже была помолвлена с Рованом Линдли. Я опоздал. Потерял любимую из-за своей нерасторопности. Именно поэтому я не могу лишиться тебя теперь, Жасмин. Ты навсегда будешь моей!

– Ты кажешься сейчас таким свирепым, – вздохнула Жасмин, погладив его по щеке. – А мое мнение ты не желаешь знать, Джемми Лесли?

– Только если поклянешься принадлежать мне до самой смерти, – ответил он, целуя ее пальцы. – Клянись! Клянись немедленно.

– Ну уж нет, – тихо рассмеялась Жасмин. – Стоит мне позволить тебе увериться в моих чувствах, как ты перестанешь их ценить и будешь обращаться со мной как со своей собственностью. Уж лучше я стану держать тебя в неведении, по крайней мере до тех пор, пока мы не обменяемся обетами.

Она с манящей улыбкой отняла руку.

– Ты настоящая стерва, – прорычал он, злясь и забавляясь одновременно.

– Совершенно верно, – протянула Жасмин. Джеймс приподнялся на локте, глядя в ее прекрасное лицо. Притянув его к себе, она наградила возлюбленного долгим крепким поцелуем. – А вы предпочли бы видеть рядом с собой вечно хнычущую дурочку, милорд? По моему, надо сразу знать, кого получаешь в жены. Возможно, вы даже передумаете и попросите короля освободить вас от этого брака.

– Нет, мадам, – заверил Джеймс, глядя в бирюзовые озера. – Я тоже не слишком сговорчив. Думаю, в этом мы похожи.

И, нагнув голову, чуть прикусил сосок и стал посасывать. Огромная ладонь мяла другую грудь. Полузабытое удовольствие пронзило Жасмин. Ах, она так давно не была с мужчиной, что теперь кажется, будто все происходит впервые. Тело горело и ознобно покалывало. Она запустила пальцы в его густую шевелюру и глубоко вздохнула. В тот последний... единственный раз, когда они любили друг друга, Джеймс Лесли покончил с долгими меся-

цами целомудренной жизни, которую вела Жасмин после смерти Ямал-хана. Теперь же он снова вторгся в ее унылую одинокую жизнь! Но она никак не может понять, отчего испытывает такое наслаждение: оттого ли, что долго была без мужчины, или Джеймс Лесли и впрямь столь великолепный любовник?

Наконец Джеймс принялся лизать надушенную плоть, обводить языком соски, превращая их в крохотные тугие бутоны, ласкать ложбинку между грудями. Чуть подув на влажную кожу, он с упоением вдохнул присущий лишь Жасмин запах и едва удержался, чтобы не наброситься на нее.

Приподнявшись, он поцеловал ее нежные податливые губы. Ее язык проник ему в рот, требуя новых ласк. Долгие, страстные поцелуи без конца и начала. Она скользнула рукой по его затылку, погладила мощную шею, поросшую короткими волосами, прижалась к его широкой груди. Джеймс застонал, когда Жасмин немного сжала его твердые ягоды.

Он был готов войти в нее, но она сдерживала его. Чуть отодвинувшись, она дотянулась до набухшего отростка и стала гладить, возбуждая до такой степени, что Джеймс едва не исторг семя ей в ладонь.

– Терпение, милорд, – остерегла Жасмин, – женская страсть не так легко загорается, как мужская.

Вместо ответа он оттолкнул ее руки – еще несколько минут таких искусных ласк, и он опозорится, как мальчишка. Перекатившись на бок, Джеймс осторожно сжал венерин холмик, улыбнувшись, когда Жасмин тихо охнула, и проник пальцем в пухлые складки, скрывавшие ее крохотную жемчужину блаженства. Джеймс отыскал потаенную драгоценность и стал перекачивать между пальцами нежный бугорок до тех пор, пока Жасмин не начала извиваться.

«Господи, – думала Жасмин, на мгновение обретя ясность мысли, – он прекрасно усвоил урок». Взрыв давно не испытанных ощущений следовал за взрывом, терзая ее пылающее тело. Она томилась от наслаждения и жажды новых наслаждений. Однако, так и не успев подарить ей усладу, Джеймс остановился и вторгся уже двумя пальцами в пульсирующее жаром лоно.

– Пожалуйста... – с трудом вырвалось из сжатого судорогой горла Жасмин.

Джеймс отнял руку и, привстав, вонзился в горячее, влажное лоно, туго обхватившее его вздрагивающую плоть, словно ножны – стальной меч. Она обвила ногами талию Джеймса, и он нырнул еще глубже в обжигающую расселину.

– О-о-о, маленькая распутница, – простонал он, не отрывая губ от ее шелковистых волос.

Как давно это было!

Жасмин чувствовала, как застучало в висках. Он наполнял ее своей свирепой страстью, врываясь в нее и удаляясь, снова и снова, пока голова не пошла кругом. Женщина сунула в рот кулачок, чтобы заглушить рвущийся крик, но он с силой отвел ее руку, и в зале прозвучала любовная песнь:

– Джемми! О Боже, Джемми! Да! Ох-х-х-х!

Дрожа, она перевалила через вершину и окунулась в теплый мрак экстаза. Он излился в нее, скрипя зубами от безудержного исступленного наслаждения. Распростершись на Жасмин, Джеймс жадно вдохнул благоухание иссиня-черных волос, и прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и отодвинулся. Сжав ее руку, он прошептал:

– Мадам, та давняя ночь ничто по сравнению с тем, что произошло сейчас. Я схожу с ума по тебе, Жасмин. Признайся, что ты испытала восторг в моих объятиях.

Жасмин тихо рассмеялась.

– Милорд, думаю, мы наконец обнаружили, что между нами общего. Подобная страсть – залог счастливого брака.

– Но этого мало, Жасмин, – тихо заметил Джеймс.

– Согласна, но разве это не прекрасное начало?

– Значит, ты готова выполнить свой долг и подчиниться приказу короля? – нежно поддразнил он, чуть прикусывая ее пальцы.

– Вот еще одно, в чем мы едины. Мы оба сознаем наши обязательства перед короной и нашими семьями.

Жасмин, в свою очередь, стала чувственно посасывать его пальцы, не отрывая взгляда от любовника. Ее губы тронула легкая улыбка.

– Может, нас еще что-то роднит? – пробормотал он. Иисусе! Эта женщина колдунья. Она выпила его до дна, но нежного прикосновения губ оказалось достаточно, чтобы он вновь захотел ее.

– Мы любим детей и простую жизнь, – напомнила Жасмин.

– Да, – согласился Джеймс, – но это ваши дети, мадам.

– Эту беду нетрудно исправить, – пообещала Жасмин и, встав, накинула халат. – Идем, Джеймс Лесли. Моя постель куда теплее и удобнее, нежели каминный коврик. Я буду послушна всем вашим желаниям, милорд.

Она направилась к выходу и лишь на мгновение замешкалась, чтобы поманить Джеймса за собой.

Граф Гленкирк поднялся, обернул вокруг пояса килт и, захватив остальную одежду, последовал за любовницей.

Глава 6

Англия

Весна, 1615 год

Они покинули Бель-Флёр, пересекли Луару у Тура и направились в Париж, где отдохнули несколько дней в городском доме де Савиллей, на улице Сер-Селестин. Хотя дорожный экипаж Жасмин следовал за ними, они с Джеймсом предпочитали путешествовать верхом. За дорожной каретой ехала еще одна, груженная вещами, в которой сидели Фергюс Мор и Рохана. Мадам Скай вернулась в Англию на две с половиной недели раньше, к великому облегчению Дейзи, взяв с собой Адали и Торамалли.

– Вы совсем спятили, миледи, вздумав опекать этих четверых зверенышей, – упрекала она Скай. – Неужели у меня мало забот с вами? Кто будет за ними присматривать? Нет, чем старше, тем сумасброднее, доложу я вам, а мне уже не шестнадцать лет! Как не стыдно мучить дряхлую женщину!

– Не волнуйся, Дейзи, Адали и Торамалли обо всем позаботятся.

– Надеюсь! – резко бросила служанка.

Проезжая по Франции, Жасмин терзалась угрызениями совести из-за того, что позволила бабушке увезти детей. Правда, та дала ей время насладиться неспешной поездкой с человеком, который вскоре станет ее мужем. Сначала они направились через виноградники, по дороге, вьющейся вдоль Луары, любуясь только что появившимися зелеными листочками, нежными веточками, тянущимися к опорам. Виноградники уступили место яблоневым садам в цвету; воздух был напоен нежным ароматом. Погода была превосходной, небо безоблачным, а солнце – ярким.

Граф де Шер снабдил их большим вооруженным эскортом. Они останавливались в маленьких чистеньких гостиницах, где подавали простую, но свежую и вкусную еду и душистые вина. Оказавшись наконец в Париже, Жасмин испытала жесточайшее разочарование. Французская столица мало чем отличалась от английской – такие же трущобы, омерзительные сточные канавы, вонь и грязь, оглушительный шум и толпы оборванцев. Они посетили собор Парижской Богоматери и были допущены в Лувр, где предстали перед юным королем Людовиком XIII и его женой Анной Австрийской.

– Бабушка никогда не любила Париж, – заметила Жасмин. – Она считает, что французы – непредсказуемые, буйные, склонные к насилию люди.

– Мадам Скай права, – кивнул граф. – Католики и протестанты снова затевают распри. Королева-мать Мария Медичи и ее зять Кончини по-прежнему правят от имени короля. Боюсь, однако, что вскоре власть перейдет к молодому священнику Арману Жану дю Плесси де Ришелье! Думаю, находиться во Франции сейчас небезопасно.

Они провели в Париже всего два дня, прежде чем отправиться на побережье, где их уже ждало судно «Роза Кардиффа» компании «О’Малли-Смолл». На следующее утро вдали показались берега Англии, и скоро корабль вошел в устье Темзы. Попутный ветерок подгонял «Розу Кардиффа», и к концу дня судно пришвартовалось к лондонскому причалу. К немалому удивлению Жасмин и графа, на пристани их уже ждал Адали с баркой, принадлежавшей де Мариско, чтобы перевезти жениха и невесту в Гринвуд-Хаус на Стренде.

– Откуда вы узнали, когда мы приедем? – спросила Жасмин верного слугу.

– Я проводил вашу бабушку в Королевский Молверн, а потом вернулся в Лондон дожидаться вас, госпожа. Капитан «Розы Кардиффа» должен был сообщить мне, когда отплывет во Францию и сколько времени ему потребуется, чтобы вернуться. Парижский агент леди де Мариско уведомил ее управляющего в Лондоне голубиной почтой о дне вашего отъезда и когда ожидать вас в Дувре, госпожа. Ну а остальное совсем просто. – И, повернувшись к графу Гленкирку, Адали добавил: – Приветствую вас, господин. Надеюсь, ваше путешествие было приятным.

Но прежде чем Джеймс Лесли ответил, Адали краем глаза успел заметить какое-то движение и завопил во всю глотку:

– Поосторожнее с этой каретой, варвары! Для того она проехала всю Францию и Англию, чтобы вы, безрукие болваны, ее поломали? И полегче с лошадьми, а не то узнаете, каков я в гневе! Принцесса, позвольте мне самому приглядеть за всем, иначе они напугают лошадей и сломают экипаж. Барка повезет вас вверх по реке, в Гринвуд. Торамалли вернулась со мной в Лондон и сгорает от нетерпения служить вам. Все готово к вашему прибытию. Приезжал гонец от короля. Он требует вас в Уайтхолл через два дня, а ваш дядя, граф, ныне пребывает в Линмут-Холле, миледи.

Он поклонился господам и поспешил к дорожным каретам, на ходу выкрикивая приказания и взмахивая руками.

– С каждым годом Адали все больше становится похож на старуху, – засмеялась Жасмин. – Но не знаю, как бы я обошлась без него.

– Зато обитатели Гленкирк-Касл будут потрясены его внешностью и манерами. Но мне нравится твой Адали, дорогая Жасмин. Он предан тебе, как и я, а кроме того, умен, трудолюбив и честен.

– Адали не забывает, что моя мать, леди Гордон, дала ему возможность возвыситься, а когда она покинула Индию, мой отец доверил меня его заботам. Он был со мной всю жизнь. И теперь я не представляю себя без Адали.

Они поднялись на борт барки и устроились в маленькой каюте с крохотными оконцами и крытой красным бархатом скамьей, на спинке которой были выведены красно-золотые узоры. Вместо двери была занавеска, подхваченная золоченым шнуром. Быстро сгущались сумерки.

Граф обнял ее за плечи.

– Не могу дождаться, когда мы выразим почтение королю и покинем Лондон, чтобы обвенчаться. Осенью я возьму тебя в Шотландию. Будем охотиться на оленей в холмах, покрытых вереском, и ты увидишь, как деревья превращаются в пурпурные знамена и реют на ветру. А когда падут снега, мы будем сидеть в своем теплом гнездышке, как два кролика, и заниматься тем, что больше всего на свете любят эти зверьки, – лукаво прошептал он, привлекая ее к себе.

Жасмин замурлыкала под нежными ласками и прильнула к нему с довольным вздохом.

– Ммм... – пробормотала она. – О, Джемми, ты разжигаешь во мне огонь безумия. Прекрати немедленно, иначе лодочники увидят и будут сплетничать.

Но Джемми уже задернул занавеску, спрятав их от окружающего мира. И прежде чем Жасмин успела запротестовать, встал перед ней на колени и, подняв ее юбки, уткнулся лицом в уютное местечко между молочно-белыми бедрами. Прикосновение языка к чувствительной плоти едва не довело Жасмин до обморока. Она тихо застонала, но Джеймс продолжал ласкать пульсирующий бугорок, неумолимо разводя ее ноги.

– Дже-е-е-е-мми! – взвизгнула Жасмин вне себя от восторга и испугалась, что их услышат. Напряжение росло. Она запустила пальцы в его густые волосы.

– О Боже!

Джемми, подняв голову, обжег ее взглядом золотисто-зеленых глаз.

– Я хочу тебя! Здесь! Немедленно!

Он привалился к скамейке и, притянув Жасмин к себе, насадил на стальное копьё, которое высвободилось из одежды. Одним быстрым выпадом он наполнил ее до основания.

– О-о-о-о, да, – стонала она, лихорадочно мотая головой из стороны в сторону, чувствуя, что сейчас умрет от наслаждения. Они не должны делать это здесь – ведь от лодочников их отделяет всего-навсего тонкий бархатный занавес!

– О-о-о-о, Джемми!

Как все это безнравственно и непристойно! Что, если их застанут?

Иисусе, да это восхитительно!

Судорожно вцепившись Джеймсу в плечи, она поднималась и опускалась, стараясь вобрать его как можно глубже.

У графа закружилась голова. Бесстыдница! Но как великолепно! Никогда, никогда еще он не желал так ни одну женщину! И наконец Жасмин принадлежит ему!

Джеймс стиснул зубы, сдерживая крик. Горячее семя оросило потаенный сад Жасмин, и она обессиленно прислонилась к любовнику. Джеймс привлек ее к себе, перебирая губами надушенные волосы.

– Вы неотразимы, мадам, – прошептал он. – Я приехал во Францию, полный решимости наказать вас за возмутительное неповиновение... Но не прошло и трех месяцев, как вы ухитрились околдовать меня, и я снова бессилён перед вашими чарами. И что хуже всего, даже не думаю сопротивляться. Наверное, моя любовь к тебе жила все эти долгие годы, Жасмин.

Он осторожно поднял ее и усадил рядом. Жасмин одернула юбки и спрятала в ладонях пылающее лицо. Редкой женщине посчастливится иметь такого дерзкого, пылкого любовника, но каковы ее истинные чувства к нему? Она не станет лгать.

– Боюсь, у меня просто не было времени влюбиться в тебя, – медленно произнесла она.

– Знаю, – кивнул граф, – зато я полюбил тебя в ту Двенадцатую ночь. Увы, я слишком долго не решался открыть свои чувства и страшился быть откровенным даже с самим собой, Жасмин. Ты вышла замуж за Рована Линдли и исчезла из моей жизни, но я продолжал любить тебя. После смерти Рована принц Генри предъявил на тебя права, но я по-прежнему хранил свою тайну. Я не смел верить, что придет день, когда ты станешь моей. Но теперь все переменялось, и ты обязательно полюбишь меня, дорогая Жасмин.

– Ты уверен? – тихо спросила она.

Джеймс осторожно повернул Жасмин лицом к себе, и под его взглядом она смутилась, как девчонка.

– Да, мадам, – прошептал он, – рано или поздно вы полюбите меня.

Он поцеловал Жасмин в губы, и она едва не потеряла сознание. Но тут раздался крик лодочника:

– Гринвудский причал!

Джеймс Лесли мгновенно отодвинул занавеску.

– Вижу, вы времени не теряли, – похвалил он шкипера.

– Прилив еще не кончился, и Господу одному известно, сколько раз мы проделывали этот путь.

Гребцы подтянули барку к причалу и привязали к свае. Джеймс перенес Жасмин на берег, и они рука об руку направились к дому. Вглядевшись в человека, который вышел на крыльцо, чтобы встретить их, Жасмин вырвалась и бросилась ему на шею.

– Дядя Робин! – вскричала она, целуя его в обе щеки.

Роберт Саутвуд, граф Линмут, крепко обнял племянницу.

– Ах проказница, наконец-то ты вернулась к нам! Королю не терпится вновь встретиться с тобой, но, увидев своего внука, он сменил гнев на милость, и уже не так сильно жаждет наказать тебя, – рассказывал Саутвуд, провожая в дом жениха и невесту.

– Король видел Чарлза Фредерика? – удивилась Жасмин.

– По пути в Королевский Молверн мама остановилась в Лондоне и привезла твоих отпрысков ко двору. Король был восхищен и отнесся к юному маркизу и его сестрам с не меньшей нежностью, чем к собственному внуку. Вы, конечно, понятия не имели, что мама собирается посетить Уайтхолл, прежде чем отправиться домой? Ну разумеется, нет! Маме, как всегда, не откажешь в предусмотрительности! Она очень помогла тебе, дорогая, сумев смягчить монарший гнев. Последнее время у Якова постоянные неприятности, а твоё открытое неповиновение отнюдь не улучшило его настроения. Теперь же благодаря маме его величество немного успокоился. Мальчик просто чудо и совершенно очаровал своего августейшего деда.

Помолчав, Жасмин нерешительно спросила:

– Дядя Робин, вы не знаете, бабушка забрала с собой всех детей?

– Конечно. Почему ты сомневаешься?

– Жасмин опасается, что король отнимет у нее малыша Чарли и отдаст на воспитание чужим людям, как принца Генри. Королева когда-то предостерегла Жасмин от подобного несчастья, и теперь ей не будет покоя, пока король не заверит ее в обратном, – объяснил граф Гленкирк.

Робин Саутвуд задумчиво нахмурился.

– Она права. Мы должны заручиться словом короля, что Чарлз Фредерик Стюарт останется с матерью и отчимом! Это самый надежный способ!

– Ты что-то слышал? – побледнела Жасмин.

– Ничего, дорогая, – поспешил разуверить племянницу Робин, – постарайся запомнить, что не следует слишком доверяться монархам. Помазанники Божьи искренне считают, что каждый их шаг благословляет сам Господь, хотя я так не думаю. Впрочем, ты этого от меня не слышала. Я верный слуга повелителя и никогда не стану оспаривать его власть.

Добродушно улыбнувшись, он потрепал племянницу по плечу.

Жасмин расхохоталась, и от ее звонкого, совсем девического смеха у графа Линмута потеплело на сердце.

– Дядя, ты ужасно непочтителен к королю, – шутливо упрекнула она.

– Вовсе нет, дорогая, но если ты помнишь, я вырос при куда более пышном дворе и служил величайшей королеве, которую знала эта страна. Как и мой отец, я истинный придворный. Однако я специально вернулся из Девона, чтобы приветствовать тебя, Жасмин, и помочь освоиться при дворе Якова Стюарта. Надеюсь, он благосклонно примет твоё смиренное покаяние. Ну а потом я вернусь домой, к своей милой Эйнджел, детям и внукам. Кажется, я потерял вкус к придворной жизни и думаю, что странные пристрастия короля станут причиной его падения. Сначала Карр, а теперь и еще двое молодых людей соперничают за его благосклонность.

Они вошли в огромный зал и уселись за стол, ожидая, пока слуги принесут ужин.

– Король не всегда был таким, – заметил Джеймс Лесли. – Я знаю его с детства. Должно быть, возраст и время так его изменили.

– У Якова никогда не было официальной любовницы, как у большинства его предшественников, – пробормотал Робин. – И он был неизменно верен королеве, но с тех пор как стал править Англией, один любовник сменяет другого!

– Нет, он не всегда отличался супружеской верностью, – тихо возразил Гленкирк, осушив кубок.

– У короля все-таки была любовница? – удивилась заинтригованная Жасмин.

– Моя мать. Я уже как-то упоминал об этом, Жасмин. Король воспылал к ней страстью, хотя она никогда не поощряла его. Он послал отца в Данию вместе с эскортом, чтобы привезти его невесту в Шотландию, и пока тот был в отъезде, силой принудил мать лечь с ним. Отец, узнав об этом, во всем обвинил мать, и ей пришлось бежать к лорду Босуэлу в поисках защиты и покровительства. Это долгая история, и когда-нибудь я ее доскажу. Так что король не всегда вел себя так глупо. Когда-то он был безжалостен и жесток, как истый солдат.

– А королеве известно об этом? – допытывалась Жасмин.

– Понятия не имею. Вряд ли. Она неизменно была очень добра ко мне. Обо всем этом, кроме самих участников, знали только лорд Босуэл, мой отец и Эллен, преданная служанка матери. Вспомните, в какой строгости воспитывался король! Эти суровые благочестивые люди пришли бы в ужас, узнав, что их подопечный возжелал чужую жену.

– Кровь Христова! – воскликнул граф Линмут. – В жизни бы этому не поверил, если бы рассказывал кто-то другой! Но ведь твоя мать стала женой Босуэла, не так ли?

– После смерти отца, правда, оказалось, что тот не погиб. Отец отправился в Новый Свет, но корабль затонул, и всех, кто находился на его борту, посчитали покойниками. Несколько лет спустя отец добрался до Гленкирка, и тогда мы узнали невероятную историю его походов. К тому времени король объявил его умершим, и мама снова вышла замуж и жила в Италии с лордом Босуэлом и тремя детьми от второго брака. Я убедил отца хранить в тайне свое неожиданное воскрешение и ради всеобщего спокойствия числиться мертвым. Он легко согласился, поскольку не имел ни малейшего желания возвращаться к прежней жизни. Насколько я понял, в Новом Свете его ждала прелестная юная леди. – Граф усмехнулся. – Отец всегда был дамским угодником, и женщины падали к его ногам.

– Он все еще жив? – выпалила Жасмин.

– Да! Женился на своей даме и произвел на свет кучу детишек.

– Думаю, в нашей семейке ты быстро станешь своим, – пообещал Робин. – Мой дед был пиратом. Сестра, Виллоу, родилась от вероотступника испанца, жившего в Алжире. Жасмин – дочь Великого Могола. Да, в благопристойности нас не заподозришь, как, впрочем, и Лесли из Гленкирка.

За едой и остроумными беседами время текло незаметно. Слуги подали нарезанную тонкими ломтиками лососину, жареного каплуна, молодой салат, тушенный в белом вине, зеленый горошек, хлеб и два сорта сыра – нежный французский бри и острый чеддер. Наконец граф Линмут встал и распрощался с Жасмин и Лесли.

– Завтра я не стану докучать вам своим присутствием, – сказал он, – но послезавтра явлюсь, чтобы лично сопровождать вас в Уайтхолл. Жасмин, ты должна выглядеть смущенной и пристыженной. Надеюсь, тебе понятно? Король хочет видеть твое публичное раскаяние. Принцесса из дома Моголов должна уступить место беспомощной и застенчивой вдове маркиза Уэстли. Полагаю, ты способна на такое?

– Да, дядя, – пролепетала Жасмин.

– Какое послушание, дорогая, – поддразнил он. – Я восхищен! Именно так и веди себя с королем, и у нас не будет никаких неприятностей. Джемми, поздравляю тебя с успехом, но вижу, что ты опять влюблен в мою неукротимую племянницу и бессилен перед ее чарами, как ребенок. Попытайся предстать ее господином и повелителем, по крайней мере перед старым дурнем – Яковом.

И, отвесив им элегантный поклон, удалился.

– Бабушка говорит, что он точная копия отца, – заметила Жасмин после ухода любимого дяди. Пригубив вина, она потянулась за земляничкой. – Не хочешь продолжить нашу занимательную беседу? – с улыбкой осведомилась она. – Ту, что началась на барке? Как по-твоему, кто-нибудь еще додумался до подобного, путешествуя вверх по реке?

Многозначительно глядя на Джемми, она слизнула клубничный сок с пальцев.

– Подозреваю, что далеко не мы одни так изобретательны, – сухо произнес Джеймс и, наклонившись, облизал губы Жасмин. – Мммм, как сладко, – заметил он и, взяв ягоду за зеленый стебелек, впился в нее зубами. Но Жасмин удержала руку Джеймса и, подняв к своим губам, принялась медленно сосать каждый палец, не сводя с него пристального взгляда бирюзовых глаз. Осторожно встав, она повела графа Гленкирка из зала, но он успел захватить с собой корзинку с земляникой.

Они поднялись на третий этаж, где были расположены спальни. Жасмин распахнула двери покоев, некогда принадлежавших бабушке и состоявших из гостиной, спальни и гардеробной. Навстречу вышла Рохана, но, заметив неприкрытую страсть, охватившую хозяйку и лорда Лесли, быстро и бесшумно удалилась. Любовники исчезли в спальне.

Жасмин взяла у Джеймса корзинку и поставила на ночной столик. Гибкие пальцы ловко расстегнули застёжки дублета и распахнули ворот рубашки. Вскоре Джеймс остался обнаженным до пояса, и Жасмин, тихо вскрикнув, нежно погладила плоские мужские соски.

В ответ Джеймс развязал ленты лифа и освободил Жасмин от юбок. Ее груди вздымались над вырезом сорочки. Нагнув голову, он поцеловал трепещущую плоть и тут же поспешно сорвал с Жасмин рубашку. Жасмин храбро сражалась с его поясом.

Губы их встретились во влажном жарком поцелуе, тела соприкоснулись, и обоих словно прошила молния. Джеймс стиснул ее сильными руками, едва не раздавив ребра.

– Джемми, Джемми, – гортанно ворковала Жасмин. Она мяла его тугие ягодицы нетерпеливыми пальцами, чувствуя, как он прижимается своими мощными бедрами к ее нежным и стройным, как треугольник жестких курчавых волос трется о бархатно-гладкий венерин холмик. Жасмин обвила ногой ногу Джеймса, вынуждая его прикинуться к ней еще теснее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.